

Джордж Бейкер

АВГУСТ

Первый
император Рима

Джордж Бейкер Август. Первый император Рима

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=611035
Август. Первый император Рима: Центрполиграф; М.: 2010
ISBN 978-5-9524-4940-4*

Аннотация

Джордж Бейкер предлагает увлекательную и наиболее полную из существующих биографий Гая Октавия, усыновленного Цезарем и поэтому получившего имя Гай Юлий Цезарь Октавиан Август, ставшего первым императором Рима, по возможности избегая предвзятых оценок и непроверенных мнений. Бейкер использует не только свидетельства великих историков древности, но и достижения современной научной мысли. В книге воссозданы реалии политики, экономики и быта Древнего Рима.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Мартовские иды. Аполлония. Рождение Октавия. Предки	6
Современный мир. Новый век. Цезарь	8
Гражданские войны. Помпей Великий. Покорение Галлии.	9
Очарование Юлия. Признание Октавия. Образование Октавия	
Его принципы. Хрупкость. Физическая изнеженность. Главные достоинства	12
Планы на будущее. Гороскоп Октавия	14
Глава 2	15
Убийство Цезаря. Цезарь остается господином.	15
Замешательство в Риме. Политика заговорщиков	
Марк Антоний. Наследие Цезаря. Документы Цезаря	17
16 марта 44 г. до н. э. Общественное мнение. Долабелла.	19
Посольство нейтралов	
Сенат. Нерешительность сената. Деяния Цезаря. Позиция популяров. Ужесточение мнений. Одобрение действий Цезаря	21
Завещание Цезаря. Официальные публичные похороны	25
Брут и Кассий. Суд над Брутом. Раздача земли. Обещание Брута. Заботы Антония	26
Оглашение завещания. Программа похорон	28
Форум. Панегирик. Эмоции. Взрыв	29
Глава 3	31
Последствия похорон. Опасения сената. Решительный шаг Антония. Преследование Долабеллы. Присутствие в Риме Цицерона (апрель 44 г. до н. э.). Исчезновение убийц Октавий в Неаполе. Прием Октавия. Октавий и Цицерон.	33
Цицерон-доктринер. Обычай Юлия. Политическая интуиция	
Политика Октавия. Уверенность в себе. Важность встречи с Цицероном	35
Италия и провинции. Октавий в Риме (начало мая 44 г. до н. э.). Встреча Октавия с Антонием. Поддержка Октавия.	36
Трудности, с которыми столкнулся Октавий. Игры	
Маневры. Встреча в Англии. Кассий. Сервилия и Цицерон.	39
Цицерон обескуражен	
Филиппики. Сенат. «Первая филиппика». Ответ Антония.	41
Контрмеры. Что есть истина? Антоний в Брундизии. Война	
Глава 4	44
Приготовления. Перспективы. Переговоры. Цицерон приезжает в Рим в декабре 44 г. до н. э. «Третья филиппика»	44
В сенате. Цицерон против Антония. Суд над Антонием. Точка зрения Октавиана	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джордж Бейкер

Август. Первый император Рима

*Hie vir, hie est, tibi quem promitti saepius audis
Augustus Caesar, Divi genus, aurea condet
Saecula qui rursus Latio regnata per Arva
Saturno quondam; super et Garamantas et Indos
Proferet imperium.*

Энеида. VI, 791-795

*Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так
часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный,
снова
Век вернет золотой на латинские пашни, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы
продвинет,
Индов край покорив и страну гарамантов...*

(Пер. С. Ошерова)

Предисловие

Август и его деяния занимают совершенно особое место в истории. О масштабе его личности можно судить по многим показателям. Даже судя по оставшимся изображениям, он был личностью неординарной. Любой художник не отказался бы от возможности исследовать его лицо, его индивидуальность, особенности его характера, все, что составляет и величие, и трагедию его жизни, а также связанные с ними рассказы и предания. Трудность в описании его характера как раз в том и состоит, что в отличие, скажем, от короля Артура, личность которого как бы скрыта в мягкой полутени истории, где наши поэты могут дать простор своей фантазии, Август жил в эпоху великой и грубой, громкоголосой цивилизации, и описать его столь же трудно, как описать не передаваемый словами блеск солнца. В поэзии мы, как правило, имеем дело лишь с приблизительным наброском, но если о чем-то знаем достаточно много, то прибегаем к прозе, — а об Августе мы кое-что знаем... Но и это еще не все. Август был непосредственным участником значительных событий, которые превратили Рим из маленького, расположенного на Тибре италийского города в могущественную державу. Императоры и понтифики — на всех на них падает отсвет личности Августа. Он стоит там, первый в ряду, глава, вождь, питающий родник и источник, великий зачинатель, ключ к будущему величию Константина и Иннокентия III. С любой точки зрения мы начинаем наше исследование Рима с изучения личности Августа и заканчиваем им же... Юлий Цезарь, возможно, исчез бы со страниц истории, если бы его внучатый племянник не продолжил начатое им и не преуспел в этом... Август вошел в Евангелия, будто всегда там было его место. Даже рождение Христа, связанное с историей нового мира, произошло во время переписи Цезаря Августа, поэтому постоянные дворы и были переполнены и Христос родился в яслях; в христианской церкви существует мнение, что, если рождение Христа произошло именно при таком стечении обстоятельств, значит, именно в правление Августа для этого настал подходящий момент. Некий дух упорядоченности, согласия и единения правил миром в то время. Нечто божественное, отличное оттого, что было до сих пор, снизошло на человечество в дни правления Августа, и это была концепция мира и примирения, которую

мы видим в изложении Горация и Вергилия, так же как и в Новом Завете. Сами христиане видели некую общую почву для согласия в августинцах – от испанских иезуитов, которые так хорошо издали Вергилия, до английского квакера, который преданно почитал Горация и позже основал философию, соотносящуюся с его взглядами... Август, следовательно, господствует в светской истории, как никто другой... Он был «зеркалом, в котором отражалось лицо мира».

Август воспринял от предшественников и развил политическую философию столь высокого качества, что в наше время она, видимо, смутила бы обычного человека. Она не превозносит мудрость обычного человека и не обращается к его гению. Она просто уважает его без всякой экзальтации. Она основана на тезисе – устрашающе верном тезисе: если вы дадите простому человеку то, что он хочет, он предоставит вам возможность заниматься остальным человечеством. Это тот урок, который предстоит перенять и правым и левым в наши дни. Дайте младенцу его бутылочку – и вы можете спокойно заниматься своими делами. Ни левые, ни правые не желают слушать об этом.

Но правда в том, что благотворное и эффективное управление миром осуществляется – и так было всегда – лишь очень немногими людьми, а в большинстве столетий человечество лишь предполагает, что так должно быть. Идеал политики – это отсутствие всякой политики. Создать мир, в котором не слышно споров, люди умиротворены и трудятся спокойно и счастливо, – такова великая цель правительства; и, соответственно, это должен быть мир, в котором нет всеобщих выборов или национальных соглашений и никто не задумывается о таких вещах, никого не убеждают в том, что он обязан делать. Напротив, человек превращается в животное, одержимое политикой, когда он отчаянно несчастлив и его терзают неопределенные желания. Накорми озлобленного, дай ему стабильность, дай ему мир и согласие – и уродливая драма политики рассеется, как утренний туман, обнажив счастливый мир созидания... И этому тоже следует учиться у Августа.

Он создал мир, длившийся двести пятьдесят лет, который продолжался до тех пор, пока в него не ворвалась незапланированная и нежелательная война, – и это время осталось в памяти человечества как мечта о золотом веке. С идеальной точки зрения этот период не был лишен недостатков; но тогда лишь немногих заботили представления об идеале, поскольку существовало настоящее, и впоследствии суровые, эгоистичные, сосредоточенные на себе люди во всем мире, так же как и святые, и мудрецы, глубоко сожалели и долго печалились об исчезновении того мира, который столь малое время оставался совершенным. Самое имя Рим было для них магическим.

Его секрет – насколько это было в силах автора – описан в этой книге. Возможно, она заслуживает некоторого внимания политиков, чьи труды столь неблагодарно оцениваются их собственными гражданами, и того, чтобы они обратили свой взгляд на карьеру того, чьи деяния с таким постоянством вызывали всеобщее восхищение. Они, может, и не придут в восторг, но пусть почитают.

Дж. П. Б.

Элмер, Сассекс

Глава 1 Наследник Гая Юлия Цезаря

Мартовские иды. Аполлония. Рождение Октавия. Предки

*«Вот и настали мартовские иды!» —
произнес Цезарь.
Предсказатель Спурина отвечал:
«Да, но еще не прошли».*

Было утро 15 марта 44 г. до н. э. Через несколько дней усталый запыленный курьер после бешеной скачки по большой белой дороге из Рима, через Беневент, Венузию и Тарент в Брундизий, погрузившись на судно в предгрозовом Адриатическом море, сошел на берег в портовом городе Аполлония, что находится на скалистом побережье Македонии, и вручил послание молодому Гаю Октавию, который, будучи в Аполлонии, пытался заниматься изучением философии в соответствии с намеченной для него программой. Время было беспокойным, полным событий, которые римляне воспринимали как предвестники надвигающихся несчастий. Солнце было затянуто облаками, мощные и страшные взрывы сотрясали огромный вулкан Этна, а ее скрытый внутри огонь вспыхивал и вырывался наружу; Эридан (река, которую теперь мы зовем По) вышел из берегов и смыл загон для скота, унеся вместе с ним и сам скот; случилось землетрясение в Альпах, а предсказания по внутренностям жертвенных животных были противоречивы и неясны...¹ Легко вообразить сцену, в которой предстал этот молодой человек, принимая письмо и взглянув на курьера. Гай Октавий никогда не стал бы Цезарем Августом, не будь он человеком, который остро чувствовал беду. Может, еще не распечатав послание, он уже догадался, что в нем скрывается.

Он был среднего роста, с рыжеватыми волосами, худощав и настолько изящен чертами и фигурой, что порой казался женственным. И тем не менее ему были присущи твердость и ясность. Он воздействовал на людей так, как порой воздействует бриллиант, который представляется очень хрупким в бархатной коробочке, хотя известно, что нет на свете вещества тверже. Гай Октавий обладал такой же хрупкостью, таким же блеском и такой же твердостью.

В то время ему было восемнадцать с половиной лет, он родился (как говорит Светоний) на рассвете 23 сентября в тот год, когда консулом был Цицерон, когда случился заговор Катилины и когда Помпей Великий захватил Иерусалим и стоял с войском в Святая Святых, то есть в том году, который мы теперь называем 63-м до н. э. Во всех отношениях этот год был необычным, но лишь гораздо позже пришлось признать, что он отмечен еще и фактом рождения ребенка в браке Гая Октавия и Атии, племянницы Цезаря. Спустя годы будут рассказывать предания об оменах, продигиях, знамениях и чудесных провозвестниках, сопровождавших его появление на свет; но мы можем предположить, что в то время его будущая слава чрезвычайно удивила бы его ничего не подозревавших и заботливых близких, впрочем, как и любезных, но равнодушных к факту рождения соседей. Его отец Гай Октавий был зажиточным гражданином Велитр, одного из самых древних и знаменитых латинских

¹ Знамения и знаки, сопровождавшие убийство Юлия Цезаря, были не просто плодом народных суеверий; их современник Вергилий перечисляет их в «Георгиках», 1, 461—497.

городов, который некогда соперничал с самим Римом, а теперь превратился в тихий провинциальный город. Семья никогда не была очень знаменитой. Дед мальчика довольствовался местными почетными должностями в родном городе, где он прожил до старости уважаемым, но не особо отличившимся горожанином. Отец, однако, был более честолюбив, в свое время он прошел низшие римские магистратуры, занимал должность претора и входил в избранный круг римских сенаторов. Он стал человеком, принадлежавшим к знати, и даже сам Цицерон в одной из своих речей поставил его в пример честолюбивой молодежи. Но как раз в тот момент, когда он решил испытать судьбу и выдвинул свою кандидатуру на высшую консульскую должность, что, без всякого сомнения, на практике приобщило бы его к знати, он умер, и его сын в возрасте четырех лет остался сиротой, хотя отнюдь не бедным.

Несмотря на ничем не выдающихся предков со стороны отца, со стороны матери дело обстояло несколько иначе. Атия все сделала, чтобы вырастить сына и заложить основы его будущей великой карьеры. Ее мать была сестрой Юлия Цезаря, диктатора, завоевателя Галлии и автора «Записок»; отец ее происходил из рода Арициев, связанных с семейством Помпея Великого². Есть некоторая неясность относительно места рождения Августа. Сенат принял официальное постановление о том, что он родился на Палатинском холме в Риме (Светоний, «Божественный Август», V), в то время как небольшая комнатка в Велитрах в загородном доме деда считалась его детской и также местом его рождения. Она почиталась священной, куда нельзя было входить без предварительного очищения. Однажды какой-то человек решился там переночевать, и на следующий день его нашли полуживым, выброшенным на улицу какой-то неведомой силой, — он лежал у дверей дома, завернутый в простыни.

Подытоживая, можно утверждать, что маленький Октавий происходил из ничем не примечательной семьи, но из зажиточной социальной среды, и его связь с большим миром осуществлялась через его двоюродного дядю, знаменитого Гая Юлия Цезаря. Это как если бы он родился простым буржуа, но был родственником Бонапарта.

² Светоний, кажется, ошибается, полагая, что Марк Атий Бальб был особенно знаменитым предком. Атилий Бальб, консул в 245 и 235 гг. до н. э., видимо, не был его предком. Антоний (см.: Светоний, «Божественный Август», IV, 2) слышал, будто Бальб был сыном парфюмера и булочницы в Ариции. Это, разумеется, история особого свойства, и она могла оказаться правдой.

Современный мир. Новый век. Цезарь

Мир, в котором родился Октавий, не был обделен сенсационными новостями и великими деяниями. Он был ребенком, когда Помпей Великий окончательно завоевал Азию, дошел до далеких Кавказских гор на границе Каспийского моря, передвинув границы Рима к границам парфян. Когда мальчик стал подростком, его дядя Юлий строил переправу через Рейн, вел морской бой в Ла-Манше и вторгся в Британию. Это был век, когда необычные люди совершали необычные поступки. Когда договоренности между государствами были слабыми и несовершенными, великие личности появлялись повсюду, справляя триумфы, соревнуясь и соперничая друг с другом. И как раз в то время, когда Помпей и Цезарь совершали дела, удивлявшие мир, Цицерон создавал латинскую прозу, которая соответствовала этим удивительным и достойным восхищения поступкам. Оглядываясь назад, мы можем наблюдать закат славы Римской республики. Молодой Гай Октавий, глядя вперед, мог видеть в нем блестящий восход нового, более героического века великих людей и мыслителей. Где и когда существовал мир столь единый, столь основательный и подчиненный закону, с таким управлением, которое служило благу всего человечества? Нигде и никогда!

Такие мечты и возвышенные суждения, возможно, пробудились в юноше при непосредственном контакте с Цезарем, его внучатым дядей, сердечным, дружелюбным, разговорчивым человеком, способным направить в нужное русло мысли и впечатления мальчика. Молодой Октавий непосредственно от Цезаря слышал рассказы, о которых мы читаем в книгах; он получил и прочел самую первую версию «Записок о галльской войне», которые сейчас известны каждому. Юлий никогда не был скрытным и молчаливым собеседником. Осторожный в выборе аудитории, умеющий донести свои мысли до тех, кто его слушает, он всегда охотно рассказывал и стремился убедить других в своей правоте. Можно не сомневаться, что, посещая свою племянницу Атию и ее мужа, он подробно рассказывал о том, что видел и совершил; защищал свою точку зрения и объяснял свои действия, критиковал действия других и во время застолий рассказывал такие истории, за которые современный историк заплатил бы какую угодно цену.³

Из последующих событий ясно, что мальчик проявлял необычный интерес к этим беседам и что дядя этот интерес и пылкий его ум направлял и поддерживал; ведь по прошествии времени Гай Юлий, уже приобретший неимоверную власть, которой были отмечены его последние годы жизни, все больше внимания уделял юноше как возможному своему преемнику и наследнику, который понесет дальше зажженный им факел и использует власть, которой он обладает.

³ Юлий отправился из Рима в Галлию весной 58 г. до н. э., когда маленькому Октавию было четыре с половиной года. Он не вернулся в Рим и не видел племянника до 49 г. до н. э., пока мальчику не исполнилось четырнадцать. Их тесная связь началась в том же году, а сотрудничество особенно плодотворным было в 45 г. до н. э., когда восемнадцатилетний Октавий находился вместе с Юлием в Испании.

Гражданские войны. Помпей Великий. Покорение Галлии. Очарование Юлия. Признание Октавия. Образование Октавия

Если и были ошибочные мысли и неточности в представлениях мальчика относительно этого величественного рассвета мира, именно Юлий мог указать на них. Он вспоминал самое начало событий; гражданские войны Мария и Суллы, возвращение Суллы из восточного похода, его италийские кампании и его диктаторство. Юлий, который был племянником Мария, пережил великие проскрипции; он лицом к лицу видел Суллу и сумел бросить вызов этому Меттерниху античности. Юлий, несмотря на ярые преследования, сохранил верность популярам – партии Мария и Гая Гракхов, которая настаивала на верховенстве народного собрания над олигархическим сенатом. Его неустанный труд и способность к интригам помогли возродить популяров, придать им новое направление и возродить прежние идеалы, а также организовать их так, чтобы они почувствовали свою силу. Юлий был не из тех, кто готов переносить страдания ради эфемерной иллюзии счастья и красоты мира, в котором он жил. Никто лучше его не знал об ужасах гражданской войны, которая разгорелась между партиями Суллы и Мария, о распространившейся по всей стране анархии и раздорах, которые омрачали историю тех дней; он знал о злоупотреблениях, из-за которых страдали провинции, и, уж конечно, он слышал собственными ушами подробности, которые всплыли во время суда над правителем Сицилии Верресом, тогда обвинителем выступал Цицерон. Он лучше других был знаком с коалициями, которые помогли сначала Помпею, а затем и ему получить исключительную личную власть для проведения тех грандиозных завоевательных мероприятий и новых начинаний, которые не мог, а порой и не желал осуществить сенат. Это он, Юлий, оставался в центре политической борьбы на родине, в то время как Помпей начал расчищать руины на Востоке, оставшиеся после полувекового правления олигархов. Помпей с его специально обученными отрядами освободил море от пиратов, сверг понтийского царя Митридата, укротил армянского царя Тиграна, реорганизовал Восток и обратил этот хаос непримиримых сил и неуправляемой активности в мирную, хотя и тяжелообольную после перенесенных бедствий провинцию; во всяком случае, начался процесс выздоровления. Именно Юлий своими политическими маневрами вынудил сенат признать законными действия Помпея. О том, что Помпей сделал не все, что нужно было, знали все. Угроза со стороны парфян дальше на востоке все еще препятствовала мирному сообщению с Азией. Когда известный богач Марк Крассе попытался усмирить эти земли, ужасный разгром в Каррах подорвал римский престиж и свел на нет предыдущие усилия. Египет также оставался самостоятельным и независимым от Рима, управляемым потомками Птолемея Лага, полководца Александра Великого; он препятствовал мирным договоренностям на Востоке своими амбициями, невероятным богатством и крайней неэффективностью безнадежно коррумпированного управления. Давно уже следовало подчинить и его, если бы в самом Риме не процветали соперничество и подозрительность. Египет был слишком жирным куском, чтобы быть поставленным под контроль одного человека. Египет продолжал представлять собой потенциальную опасность для остального мира, пока его ресурсы не перейдут в руки правителя, которому можно доверить эффективное правление... Все эти проблемы и неурядицы, как и многие другие, подтачивали жизнь богатого Востока и требовали разрешения. Помогая Помпею в его действиях на Востоке, Юлий не забывал и о собственном интересе, и Помпей отплатил ему за помощь, поспособствовав, чтобы Юлий получил командование в Галлии, таким образом дав ему возможность начать ее завоевание; отнести границы Рима к Рейну; навсегда покончить с угрозой галльского нашествия, которая веками нависала над

Италией, и обратить самих галлов в мирных и оседлых, более заинтересованных в своем процветании, чем в захвате соседей. Смерть Красса в Каррах разрушила триумвират, который способен был осуществить эти гигантские задачи, а после этого Цицерон ухватился за Помпея и перетянул его на сторону сената. Однако к тому времени Юлий был слишком силен, чтобы кому-то подчиниться. Затем разразился политический кризис – возникли разногласия между сенатом и Помпеем, с одной стороны, и народным собранием и Цезарем – с другой. Намереваясь уничтожить человека, которого он боялся больше всего, сенат развязал новую гражданскую войну. В сражении при Фарсале Цезарь разбил войско Помпея, сбросил сенатскую олигархию и стал самым могущественным человеком в римском мире. Это было четыре года назад, когда Гаю Октавию исполнилось четырнадцать лет.

Такого человека навещал Октавий в его штаб-квартирах, где стояли непобедимые легионы галльской кампании; такого человека принимали они в семье во время его посещений племянницы и ее мужа!⁴

Юлий всегда был приятен в общении, будь это богач или бедняк, не важно; он всегда стремился привлечь человека на свою сторону, дабы приобрести лишний голос или завоевать преданность новобранца. Он всегда готов был очаровывать, и он должен был очаровать своего внучатого племянника. Что за анекдоты и случаи из жизни он рассказывал! Что за истории о киликийских пиратах, испанских племенах, бородатых галлах и грязных бриттах! Какие истории – например, когда в Александрии развернули перед ним ковер, в нем оказалась розовая и улыбающаяся ему Клеопатра!.. Как он скрывался от противников – когда, например, нырнул в залив в Александрии и вода вокруг вскипела от посланных вслед стрел,

⁴ Атия снова вышла замуж, и ее второй муж (который оказался хорошим отчимом для пасынка) был гораздо более значительной личностью, чем Гай Октавий. Это был Луций Марций Филипп, который происходил из сенаторского сословия, его отец, дед, прадед и прапрадед были консулами и фигурировали в консульских списках; сам он также дважды исполнял консульские обязанности. Разница – весьма существенная – заключалась в общественной значимости, достигнутой Юлием. В 64 г. до н. э. Юлий был политическим банкротом, и Октавий был достаточно хорош для его племянницы; в 58 г. до н. э. Юлий начал завоевание Галлии, и теперь его племянница могла претендовать на Филиппа с его длинным списком предков-консулов. Это имело значение для укрепления общественного статуса и сына Атии.

он вынужден был плыть под водой, чтобы спастись!.. Однако притяжение было взаимным. Юлий не просто старался приобрести последователей, голоса или сторонников – он искал преемника. Очевидно, что внучатый племянник произвел на него впечатление. Он пригласил племянника с друзьями навестить его в Испании. Когда восемнадцатилетний парень, отплыв из Македонии на корабле, сбитом с курса бурей, слабый после кораблекрушения, сильно потрепанный, благополучно привел своих друзей, обойдя строй свирепых врагов, в лагерь дяди, Юлий был доволен! Такие вещи он ценил! В этом были видны мужественный дух и сила лидера – редкий и драгоценный дар, который он искал. Он продолжал осторожно наблюдать за юным Октавием и позаботился, чтобы тот получил образование, способное развить его наклонности. Юлий мог предоставить лучших наставников своего времени, и, разумеется, Октавий прошел хорошую школу, которая способствовала развитию его природной любознательности и усовершенствовала его интеллектуальный вкус, так что всю оставшуюся жизнь его интересовали вещи, требующие работы ума, хотя он так и не научился свободно говорить по-гречески.

Во всяком случае, естественно, он прошел школу, которая позволяет человеку ясно формулировать мысли для себя и передавать их другим. Использование понятного, простого и точного языка – одно из главных достоинств государственного деятеля; и это в его же собственных интересах, так же как и в интересах людей, его окружающих. Юлий, как известно всему миру, использовал прозаический стиль, который стал образцовым, и юный Октавий подражал ему в этой простоте. Он, правда, так никогда и не достиг такого уровня в классическом стиле, но зато обладал стилем выразительным и ясным, способным точно передать мысль. Это была проза делового человека, приспособленная для документов, переводов, писем и т. п. Тот факт, что он старался подражать Юлию в его манере письма, говорит о том, что он старался и думать как Юлий, ибо каков язык, таковы и мысли. Неумение свободно изъясняться на греческом, возможно, объясняется тем, что у него был латинский склад ума. Но он без труда читал по-гречески.⁵

⁵ Его учителями были Аполлодор Пергамский, а потом Арей и его сыновья Дионисий и Никанор. В 84-й и 88-й главах Светоний («Божественный Август», LXXXIX) подробно это описывает, а также говорит об особенностях стиля и дикции Августа.

Его принципы. Хрупкость. Физическая изнеженность. Главные достоинства

Отчасти черты характера Юлия объяснялись его высокой самооценкой. Многие люди – тогда и теперь тоже – полагают, что он поступил неосмотрительно и даже глупо, когда после избирательной кампании в разгар гражданской войны провел зиму в Египте с Клеопатрой. Многие считают – и сегодня так же, как и тогда, – что он должен был поступить более осмотрительно, более деликатно и осторожно и не столь близоруко, более трезво оценить свои возможности – короче, ему следовало сомневаться в успехе своего предприятия. Он, однако, был уверен в себе, в отличие от них. Уверенный в своем могуществе, он проводил в Египте месяц за месяцем; и в нужное время он отправился в Зелу, одержал победу, и случилось так, как он и писал: «Пришел, увидел, победил», – и это высказывание всегда останется его суждением о себе. Его поведение полностью оправдалось. Он нуждался в отдыхе, и он его себе устроил.

Юлий никогда не устанавливал для себя никаких максим, в отличие от своего племянника. Светоний («Божественный Август», XXV) приводит правила, которые для себя установил Октавий: «Спешить не торопясь», «Осторожный полководец лучше безрассудного» и «Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрей» (*пер. М.Л. Гаспарова*), то есть не ловить рыбу золотым крючком, ибо в этом случае риск неоправдан – и рыбу не поймает, и потеряешь дорогой крючок. Правилом Августа было никогда не вступать в борьбу, если вероятная выгода меньше возможной потери. Все это расчетливая мудрость, и очевидно, что так поступал и Юлий. Но Юлия порой охватывал азарт игрока, и тогда он намеренно испытывал судьбу; он так и не сумел передать это качество своему племяннику.

Почему? – можем мы спросить. Видимо, это результат недостатка жизненной силы, энергии у юноши, который мы уже в нем отмечали. Римскому характеру, скорее, под стать крепкое, сильное тело, выносливость, отсюда железная воля и мрачный стоицизм, присущие римлянам. Римляне никогда не были «сговорчивы». В этом секрет их политической независимости. Их нелегко было убедить. Они всегда отличались мятежным нравом, это были люди, готовые стоять насмерть, если им что-то не нравится, – готовые пожертвовать своими жизнями, впрочем, и чужими тоже. История о правой руке Сцеволы, может быть, и легендарна, но в ней отражается истина. Если они соглашались, это было сознательное, рациональное соглашение. Юлию не была свойственна эта грубость, различные обстоятельства и его привычки показывают, что он осознавал трудности, с которыми сталкиваются люди более тонкой душевной организации. Больше всего в Октавиане ему нравилось то, что за видимой хрупкостью мальчика скрывается сильный характер.

Чтобы добиться успеха, человеку необходимы чуткость и склонность к тонкому расчету, которых нет у людей грубых. Этой деликатностью конституции и способностью схватывать на лету обладал Гай Октавий. Его биограф⁶ описал красивую, изящную внешность Октавия, яркие глаза, маленькие зубы, светлые волосы и орлиный нос; а на некоторых дошедших до нас изображениях мы видим образ человека, более обычного подверженного усталости. В преклонном возрасте у него развилась слабость левой ноги и бедра, так что временами он даже прихрамывал; и всю жизнь он был склонен к легкому недомоганию и сезонным переменам в состоянии здоровья, связанным с погодой, что показывает определенный тип нервной организации. Он нуждался зимой в утепленной одежде, чего нельзя сказать о его земляках, и он отличался повышенным вниманием к своему здоровью в мелочах, как,

⁶ Светоний. Божественный Август. 79–83. См. также отдельные подробности биографии Юлия Цезаря у Плутарха.

например, наши современные жители городов вынуждены обращаться к вегетарианству или шведской гимнастике. Такому человеку Юлий не мог передать дьявольское беспокойство, которое временами снедало его. Будущий Август никогда не позволял себе проявлять тревогу, озабоченность. В этой сдержанности, вызванной его природной конституцией, должно быть, скрывался один из источников его мощи.

Эта красота, эта хрупкость и чувствительность, это стремление к разумности и стабильности были, кажется, составными частями его сути, главная и необычайная сила которой заключалась в ясном видении вещей. Некоторые люди оглядываются, прежде чем совершить прыжок; некоторые не считают нужным оглянуться; другие просто не видят, оглядываясь; а третьи не могут сделать вывод из того, что они видят. Некоторые люди говорят и не способны слушать; другие, таких большинство, отвлекаются и перебивают; есть и такие, которые то ли по внешним причинам, то ли по свойству характера способны внимательно рассматривать что-либо и видеть предмет в целом. Но лучше других будущий Август был одарен способностью внимательно смотреть на вещи и видеть их объективно, не отвлекаясь на эмоции и предубеждения; это свойство художники называют отвлеченным зрением. Он мог видеть и мог судить о событии очень ясно, что редко удается людям его возраста или даже более опытным. Для нас, когда мы оглядываемся назад, он кажется обладателем необычного гения; но его современники, которые лишь постепенно стали смотреть на него как на человека необычного, ясно дают понять, что в нем не было ничего необычного, кроме трезвого суждения, сочетавшегося с удивительной ясностью восприятия. Он был подобен инструменту, который с необычной точностью регистрирует малейшие оттенки состояния. Подобно всякому такому инструменту, про него мало что можно добавить... Его современники считали, что проще объяснить его характер неким божественным промыслом.

Планы на будущее. Гороскоп Октавия

Невозможно предугадать, что скрывает будущее. В том 44 г. до н. э. Юлий был на вершине славы. Юный Октавий проводил время в полезных занятиях, ожидая, когда дядя придет из Рима в Македонию по пути на Восток. Они отправятся туда вместе по стопам Лукулла, Помпея и Красса, однако с более обученной и тренированной, чем у тех, армией. Затем за знаменитым покорением Галлии последует покорение Парфии, а за «Записками о галльской войне» и «Записками о гражданской войне» последуют «Записки о парфянской войне». Они пройдут по маршруту Александра Великого и, возможно, дойдут до Индии, как в свое время дошел он; и замечательные подвиги Александра превзойдут еще более замечательные деяния Юлия, который затем завоюет весь мир от Британии до Индии и приведет всех под одно правление. К тому времени, когда все будет закончено, юный Октавий будет несколькими годами старше. Он женится, без сомнения, – интересно, на ком? – и будет правой рукой своего пожилого великого дяди, пока, наконец, в положенный час эта величественная голова не откинется и эта чудесная рука не упадет, – и Октавий заступит на его место и... Поток мысли обрывался неопределенностью. Можно лишь гадать о будущих событиях.⁷

Трудность объяснения знаков свыше связана с их двойственностью. Не то чтобы мы их не получали, но мы ничего не предпринимаем, беспомощно поворачивая их так и эдак. Юный Октавий со своим другом Марком Випсанием Агриппой (который был вместе с ним в Аполлонии) забрели к астрологу Теагену. Агриппа – напористый самоуверенный юноша – заплатил деньги и назвал дату и время своего рождения. Теаген составил гороскоп – очень необычный, – а затем с восхищенным удивлением прочел ошеломляющий результат: удивительное будущее ожидало Агриппу. Затем он повернулся к застенчивому юноше, прятавшемуся за широкой спиной самоуверенного Агриппы. Не составить ли и ему гороскоп тоже? Октавий поспешно отказался, опасаясь, что слишком уж проиграет в сравнении с Агриппой. Теаген настаивал и после некоторых колебаний юноши получил необходимые данные. Закончив гороскоп, он упал на колени перед молодым человеком.

Такова, во всяком случае, легенда.

Но даже если и так, что бы это значило? Относилось ли это к удивительному будущему, которое Октавий предугадал, когда в воображении стоял по правую руку от своего дяди и, возможно, помогал ему готовиться к парфянскому походу? Или это было нечто другое? Нечто такое, чего он не мог предвидеть?

Ответ был в сообщении, доставленном ему из Рима вскоре после 15 марта 44 г. до н. э. В послании говорилось, что его двоюродный дед Гай Юлий Цезарь убит в результате покушения группы фанатиков-олигархов во главе с Брутом и Кассием и теперь лежит мертвый в Риме.

И все мечты о будущем улетучились.

⁷ Возможно, Октавий рассуждал именно так, мы, однако, не обязаны с ним соглашаться. Цицерон («Письма Аттику», XV, 4) полагал, что Юлий никогда не возвратится. Вполне вероятно, что тактические трудности, которые уже оказались непреодолимыми для такого полководца, как Красс, и даже для Марка Антония, стали бы непреодолимыми и для Цезаря; в Месопотамии он, может быть, утратил бы лавры, которые приобрел в Галлии. Бессмертная военная слава Юлия, возможно, осталась в памяти благодаря его ранней кончине, охранившей его от опасностей, исходивших от парфянских горных племен и по-парфянски одетых в кольчуги вооруженных жителей, которые сражаются на своей земле. Интересно поразмышлять о возможной реакции относительно восточного поражения Юлия. История Гая Октавия определенно была бы другой!

Глава 2

Мантия Цезаря

Убийство Цезаря. Цезарь остается господином. Замешательство в Риме. Политика заговорщиков

Шекспир уверял, что Цезарь сразу пал под ударами мечей своих врагов. Ничего подобного не было на самом деле. Ни один из великих исторических деятелей, павших от рук убийц, не сопротивлялся так яростно, борясь за свою жизнь, как Юлий. Окруженный вооруженными людьми, он боролся с ними голыми руками без всякой помощи со стороны. И упал он, только получив двадцать три ножевые раны, «с яростными криками, как дикий зверь». Он мог бы убежать, окажись рядом друзья, которые пришли бы на помощь. Однако в критический момент наблюдавших эту сцену охватила паника. Марк Антоний – сам вообще-то не трус и потомок храбрецов – бежал вместе со всеми. У Цезаря не было вооруженной охраны, она раздражала его. Его окружали лишь обычные в таких случаях помощники из высших магистратов, и все они бежали. Остались только три раба, которые, когда «все было кончено» и этот «окровавленный ком земли» остался лежать на полу сенатской курии, вошли, положили тело на носилки и (неловко, поскольку их было трое) направились к дому Цезаря... Одна его рука (так они говорят) безжизненно свешивалась вниз.

Он был владыкой мира, но, странное дело, он им и оставался. Каждый, кто услышит эту историю, будет потрясен. Враги Цезаря, бросив тело, удалились в Капитолий; его друзья сразу поставили войско под ружье; свидетели, которые бежали, все, без исключения, не имели ни собственного плана, ни воли и вряд ли знали, что делать дальше или вообще что возможно сделать в этих обстоятельствах. Те, кто (а во всех кризисах таких людей множество) лишь хотел видеть последний прыжок, не могли предусмотреть реального хода событий. Короче, неимоверный хаос и смятение воцарились в Риме.

И этот хаос был расчищен по воле мертвого человека, который больше не мог говорить, но влияние которого по-прежнему ощущали все. Намерения и направление деятельности теперь уже мертвого Цезаря, распоряжения, которые он раньше подписал, назначения, которые он сделал, планы, которые он задумал, – все это привело к своим результатам.

К вечеру некоторые сенаторы решились выглянуть из дверей своих домов, поняв, что их жизни ничто не угрожает. Среди других на Капитолии появился Цицерон. Никто не взялся руководить событиями. Цицерон советовал, чтобы преторы Брут и Кассий созвали сенат на Капитолии и издали декрет о восстановлении общественного порядка и признании законного руководства. Однако «законное руководство» должно было быть иным, и не бандой убийц. Законное руководство, избранное ранее, состояло из консулов, бывших приверженцами Цезаря. Это обстоятельство стало первым, однако фатальным ударом для партии противников Цезаря. Не будучи законным правительством, они не могли счесть себя вправе грозить пальцем, обвиняя в безнравственном поведении своих оппонентов. Они решили, что самым правильным будет переговорить с оставшимся в живых консулом Марком Антонием и узнать, нельзя ли заключить с ним мирное соглашение.

Цицерон впоследствии утверждал, что он выступал против и сказал, что они делают серьезную ошибку. Может быть, и так; этот человек, казнивший заговорщиков Каталины без суда, вполне мог отбросить в сторону древние формы римского правления и силой узурпировать власть, его партии не принадлежавшую по конституционному праву; возможно, такое поведение, хотя и крайне циничное, могло быть самым эффективным на практике. Однако

он обращался к людям, основное разногласие которых с Цезарем состояло в том, что тот нарушил букву римского права, и теперь они отказались нарушать закон. Эта логика фатальным образом связала им руки и окончательно их уничтожила, показав, как мало смысла в букве закона, если не соблюдается его дух.

Брут и Кассий выбрали неплохую линию поведения. Во-первых, тогда было не столь ясно, как это понятно нам теперь, окажется ли Марк Антоний таким уж убежденным сторонником Цезаря. С самого начала этого дела все в Риме знали, что Цезарь не переносилглупостей своего товарища и не единожды его одергивал. Эту затаенную вражду между ними заговорщики учитывали, спасая жизнь Антонию. Они полагали, что договорятся с человеком, не слишком дружески настроенным к Цезарю, который может им пригодиться. Кроме того, разве не сторонники Цезаря Антоний и Лепид, кроме законной власти, имели в своем распоряжении целый легион?.. А еще Долабелла, который должен был заменить Цезаря на посту консула во время его предстоящего парфянского похода и который теперь был его преемником, выказал к ним дружеское расположение... И наконец, но не в последнюю очередь, они хотели, чтобы в сенате и сенатом, членами которого они состояли и где имели подавляющее большинство, были восстановлены все заседания. Они не хотели, чтобы Антоний вынес заседание в народное собрание, где цезарианцы были в большинстве. Отсюда объяснение и последующего поведения, которое избрали Брут и Кассий.

Таким образом, Цицерон не участвовал в последовавших переговорах.

Антоний был человеком импульсивным, который сначала делал, а потом думал. В страшный момент убийства Цезаря он обратился в бегство и укрылся в каком-то доме, откуда потом тайком перебрался в свой дом. Здесь он закрылся и приготовился отражать нападение. Лишь постепенно до него стало доходить действительное положение дел, и он обнаружил, что все объята паникой. Осознав это обстоятельство, он вышел из своего убежища.

Марк Антоний. Наследие Цезаря. Документы Цезаря

Существовало предание, будто фамилия Марка Антония восходит к Антону, сыну Геркулеса; и, поскольку Геркулес был семитский герой, скорее связанный с миром Тира и Карфагена, чем со Спартой и Афинами, возможно, сохранялась какая-то связь между предком и Марком Антонием с его несколько странным, носатым на ассирийский лад лицом, насколько можно судить по изображениям на монетах, улыбающимся ироничной ассирийской улыбкой, чувственной и предательской. Было что-то ассирийское и в его необычайной физической силе; в его страсти к женщинам и женщин к нему; в его адекватности, царственной беззаботности, чувстве юмора; в его хвастливости и расточительности. Он не был дурным человеком. Как пишет Плутарх, он был откровенен и доверчив, нехотя признавал свои ошибки, но был способен быстро научиться их не повторять; щедрый в наградах, даже экстравагантный, готовый смеяться над шуткой и над собой, не стеснялся в выражениях, яркий во всем – человек одаренный, столь же расточительный, как какой-нибудь Синахериб или Асархаддон. И вместе с тем он был величайший ловкач. Когда чувство юмора к нему вернулось и окрепла уверенность в себе, он с любопытством стал наблюдать за шайкой любителей-убийц в Капитолии. Они заставили его бежать – единственный раз, – теперь настало время изменить ситуацию, а он, Марк Антоний, с удовольствием за этим понаблюдает.

Убийство Цезаря произошло настолько неожиданно, что никто не был готов к дальнейшему. Ни один человек в Риме не имел полных прав наследования диктатору. Его преемник Гай Октавий находился в Македонии. Если бы существовало законное правительство, оно, несомненно, поставило бы на его место самого Антония. Он прекрасно это понимал, и еще он понимал, что человек, завладевший бумагами Цезаря, станет хозяином ситуации... С наступлением ночи в Риме не стало спокойнее. Консул приказал пикетировать улицы, разжечь сторожевые костры на перекрестках. Пока посланцы оптиматов спускались с Капитолия собирать голоса сенаторов, чтобы одержать победу над народным собранием на следующий день, Антоний отправился в храм Опса, где хранилась казна Цезаря, и захватил ее. Храм находился в западной части Капитолийского холма рядом с Тарпейской скалой, так что он должен был пройти недалеко от заговорщиков. Партии не вступали в борьбу друг с другом. Он также прихватил бумаги Цезаря, в которых находились не только его архивы, список сделанного и потраченные суммы, но также и записки о планах на будущее, его наброски будущего законодательства, которое тот хотел довести до совершенства, его схемы и записки. Все это было переправлено в дом Антония. Если судить по его делам в течение нескольких следующих дней, Антоний принялся знакомиться с документами. Они должны были сыграть огромную роль в последовавшей затем драме.

Захватив эти документы, Антоний получил главную стратегическую позицию во всей дальнейшей борьбе. Он теперь был обладателем планов и механизмов правления Цезаря, знал его цели. Видимо, в этот момент он понял, что вся власть, которой обладал Цезарь, упала к нему в руки. Ничто не мешало ему заступить на место Цезаря, если только действовать умно и осторожно.

Тем временем Лепид, который стоял на одном из островов Тибра с легионом отслуживших срок ветеранов, переправил своих людей через реку в более просторные квартиры в Кампус-Марциус, который находился под Капитолием за пределами городских стен, а Форум располагался внизу, только в пределах города. Лепид не хотел действовать без поддержки Антония, которого уважал как консула и полководца Цезаря. Однако его люди были уже на пути в Испанию, где должны были получить землю, обещанную диктатором, когда внезапно узнали об убийстве Цезаря. Они могли серьезно повлиять на настроения в обще-

стве; теперь обещанная раздача земли оказалась под вопросом (чего они опасались), а они очень мало доверяли Бруту и его друзьям.

16 марта 44 г. до н. э. Общественное мнение. Долабелла. Посольство нейтралов

И вновь настал день – день после смерти Цезаря, и стало ясно, что по-прежнему встает и садится солнце, дует ветер и течет вода, хотя уже без Цезаря. Этот день – 16 марта – прошел в переговорах, поскольку никто не представлял приблизительных сил обеих партий, необходимо было собраться и выяснить, как обстоят дела. Еще до конца дня Марк Антоний осмыслил главные события и теперь знал, как поступить.

Заговорщики были уверены, что имеют преимущество в сенате. Они собирались одержать победу в народном собрании, если удастся. Ночью они попытались заручиться головами избирателей, на которых могли надеяться и которые задали бы тон всему собранию. Деньги переходили из рук в руки. Дилемма Брута и Кассия заключалась в том, что они ждали от этих подкупленных членов народного собрания, чтобы те направили события в правильное русло и провели его, как в давние времена, и речи их были убедительными и разумными. Подкупленные, в свою очередь, знали об истинном общественном мнении, и, когда началось собрание на Форуме, они слишком осторожно стали выкликать имена убийц Цезаря или просто выкрикивать враждебные ему лозунги. Короче, они примкнули к тем, кто кричал о всеобщем примирении, в том числе и о прощении убийц. К несчастью, претор Луций Корнелий Цинна выбрал очень неудачный момент, чтобы достаточно бесцеремонно прервать выступления участников. Публично стянув с себя официальное платье, как позорное одеяние, надетое на него тираном, он обличал Цезаря и все его деяния и прославлял великолепные дела тираноубийц. Их следует, полагал он, наградить, как благодетельствовавших общество... В этом месте его речи неподкупленная часть собрания взбунтовалась.

Но вот Луций Корнелий Долабелла был выведен на помост организаторами митинга. Долабелла был тем молодым человеком, которого Цезарь назначил замещать консульскую должность после того, как он, Юлий, отправится на парфянскую войну. С устранением Цезаря молодой Долабелла автоматически становился консулом вместе с Марком Антонием, и он поспешил вырядиться в приличествующие одежды, в которых и появился на собрании. Полагая, что ему следует примкнуть к более сильной партии, Долабелла произнес речь, направленную против Цезаря, и заявил, что с самого начала находился в рядах заговорщиков, хотя, к сожалению, не смог присутствовать в решающий момент. Подкупленные радостно приветствовали его выступление, а сторонники Цезаря были озадачены, зная, что он из их партии.

Затем на трибуну взошли довольные Брут и Кассий, чтобы получить аплодисменты своих сограждан. Они изощрались в похвалах друг другу и возвращали собрание к тем далеким временам, когда их предки изгнали Тарквиния Гордого. Они говорили, что Цезарь был еще хуже Тарквиния, который был законным царем; они также потребовали возвращения всех изгнанных в дни правления Цезаря. Под гром аплодисментов своих нанятых сторонников они возвратились на Капитолий, скорее подавленные тем несомненным фактом, что, несмотря на старания подкупленных, они не смогли полностью сокрушить народное собрание.

Антоний, очевидно, также это отметил. Вечером тон обеих партий изменился. Нейтралов, которые не имели выгоды от заговора, упростили навестить Антония и Лепида не для того, чтобы оправдать убийц Цезаря – это было бы слишком опасно, – но чтобы их извинить, указать на чистоту их намерений и призвать в интересах их же города к необходимости мира и спокойствия. Они упомянули об общественном благе и благородстве прощения.

Марк Антоний в порыве вдохновения мог лгать, как дипломат; и ни от кого другого не могли послы получить обещания в такой сердечной манере. Он уверил депутацию, что ни

он, ни его друзья ничего не предпримут из личных побуждений, и указал на то, что они с Лепидом верны воинской клятве защищать Цезаря и отомстить за него и что они обязаны наказать убийц, но, продолжал он, тем не менее они не отказываются с ними встретиться на равных в сенате и посмотреть, могут ли они прийти к соглашению.

Это очень воодушевило заговорщиков. Они и подумать не могли, какой смертельный для враждебного лагеря сюрприз готовил Антоний.

Сенат. Нерешительность сената. Деяния Цезаря. Позиция популяров. Ужесточение мнений. Одобрение действий Цезаря

17 марта состоялось заседание сената. Августейшее собрание не обошлось без сюрпризов. Луций Корнелий Цинна появился в официальном одеянии, которое он столь пренебрежительно сбросил и обругал накануне. Причина такой перемены была в том, что по пути на заседание сената он встретил цезарианцев, которые накануне слышали его речь. Заброшенный камнями, он укрылся в каком-то доме. Разгневанные сторонники Цезаря уже принесли факелы, чтобы поджечь дом, укрывший предателя, но тут появились войска Лепида и восстановили порядок, после чего сторонники Цезаря ретировались. Цинна счел за лучшее защитить себя официальной одеждой. Подкупленные и сами уже чувствовали, что дела принимают дурной оборот.

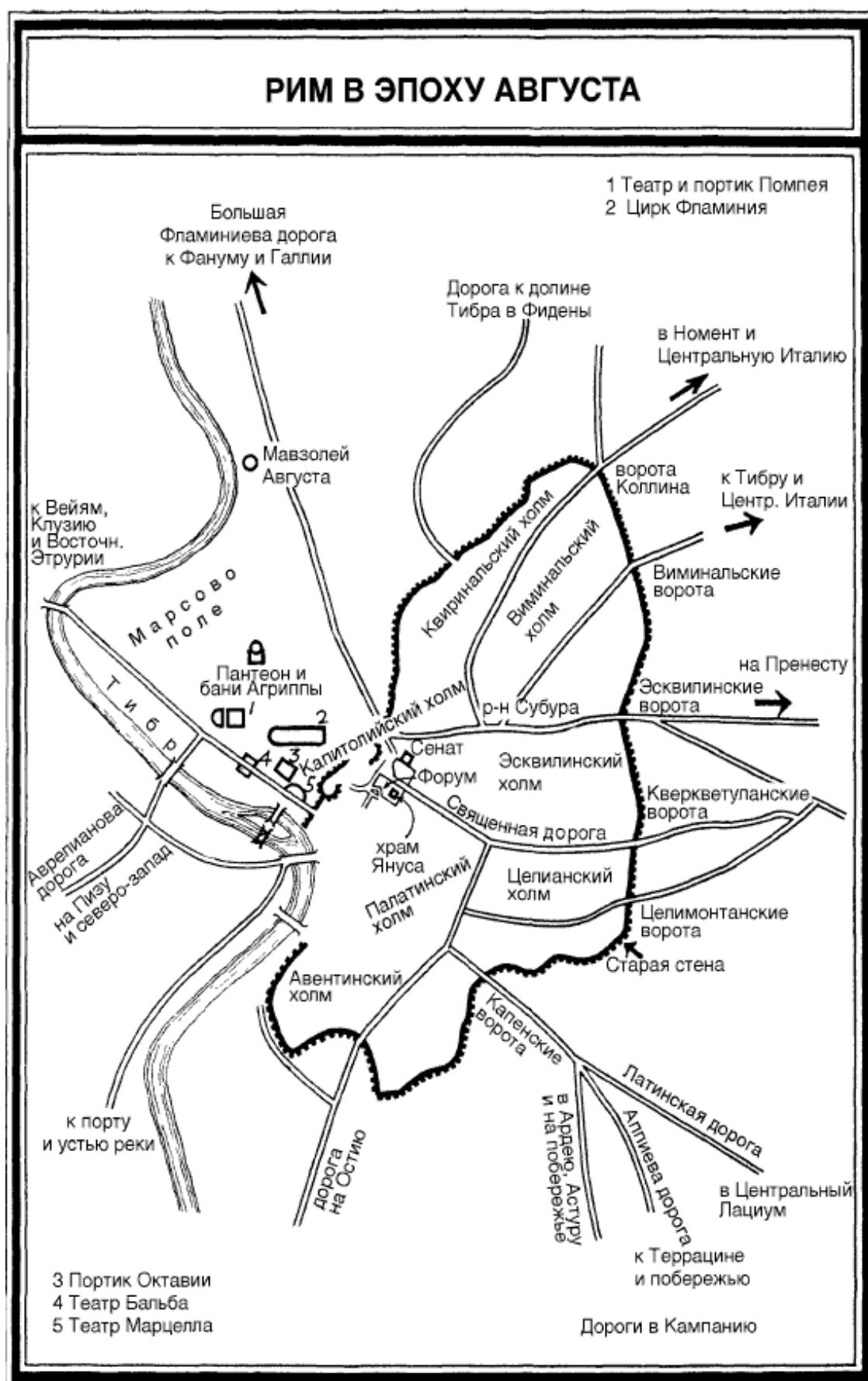
Однако в сенате заговорщики, как они и рассчитывали, имели решающее большинство симпатизировавших им сенаторов, и Цинне нечего было опасаться в этой дружественной атмосфере. Первым побуждением было пригласить сенаторов-заговорщиков занять их места, особо оговорив, что им ничто не грозит. На это предложение Марк Антоний охотно согласился. Конспираторы тем не менее по какой-то причине избегали показываться на людях. Затем, прощупав настроение в курии, некоторые сенаторы стали открыто произносить ругательства в адрес Цезаря, указывая на то, что он был тиран, а его убийцы – тираноборцы и в этом случае, как всем известно, убийство не считается преступлением. Раздавались предложения наградить убийц. Другие члены сената говорили, что, мол, заговорщики убили Цезаря не ради грязных денег и наград, но исходя из чистых и возвышенных мотивов. Некоторые предлагали публично поблагодарить убийц. Наконец, нашлись и такие, кто предлагал предать случившееся забвению.

Сенат был в полной растерянности. Там находились и люди, для которых сама мысль об убийстве была отвратительна, но они полагали, что не должны быть слишком суровы к преступившим черту, поскольку те действовали из идеальных и высоких побуждений. Далее было сказано, что сначала нужно решить, был ли Цезарь тираном, – если да, тогда оправдать убийц; если он был законно избранным гражданином, тогда его убийцы по закону преступники. Сенаторы решили голосовать по этому вопросу, но большинство согласилось, что они не замешаны в дела Цезаря, поскольку выполняли его требования под давлением. Именно в этом месте Антоний, который спокойно дожидался этого момента, поднялся с места и сделал заявление, которое стало сенсационным.

Консул сказал, что если они осудят Цезаря как тирана, то они тем самым аннулируют законность всех его деяний и назначений. Тогда встает вопрос и о законности избранного при Цезаре сената. Большинство его распоряжений еще в силе, так что они мало приобретут, отменив их, но при этом они отменят все назначения на должности, сделанные по распоряжению Цезаря. Большинство присутствующих, говорил Антоний, были назначены на ту или иную должность непосредственно Юлием или ждали своей очереди. И тем не менее, если они действительно хотят отказаться от всех прежних назначений, он как консул готов признать Цезаря тираном и узурпатором, но пусть они учтут все последствия, которые их решение за собой повлечет.

Эта речь произвела эффект разорвавшейся бомбы. С перевесом в один голос собрание высказалось против отмены назначений. У многих были на то причины. Например, Цезарь никогда не заботился о законах, ограничивавших возраст кандидата на какую-либо должность, и он сделал множество назначений, основываясь на квалификации людей без

различия возраста. Сам Долабелла был одним из них, и он вдруг понял, в каком оказался положении. Теперь он уже не хотел быть одним из заговорщиков, которым накануне себя провозгласил, и выступил против того, чтобы объявлять Цезаря тираном, и обращался к убийцам Цезаря теперь уже как к преступникам. Рьяные противники Цезаря, разумеется, настаивали на том, что такая отмена назначений ни на что не повлияет и они вновь будут должным образом избраны народным собранием, однако более опытные сенаторы сомневались, что собрание вновь одобрит некоторые назначения. Пока в сенате спорили, Антоний и Лепид покинули заседание.

Между тем на улице собралась толпа, которая стала требовать присутствия консула. При его появлении кто-то крикнул: «А что будет с тобой?» Очень медленно Антоний стал расстегивать свою тунику и обнажил под ней кольчугу. Это вызвало взрывы смеха. Раздались крики, призывавшие наказать убийц Цезаря, были и крики, взывавшие к примирению сторон, которых было довольно много.

«Мы все стремимся к миру, – произнес Антоний, обращаясь к последним. – Его легче достичь, если убийство Цезаря не станет служить подтверждением того, насколько ненадежны могут быть раздаваемые обещания. – И, повернувшись к жаждущим отмщения, он сказал: – Очевидно, вы верны клятвам и обещаниям, вами данным. Я был бы на вашей стороне, если бы не был консулом, который прежде всего должен заботиться об общественном благе, а не защищать то, что правильно в теории. Так же думают и собравшиеся там, – продолжал он, указывая на сенат. – Без сомнения, Цезарь думал так же, когда он ради общего блага простил и отнесся дружелюбно к людям, которые при первой же возможности его убили».

Речь была весьма хитрой и обтекаемой. Лепид, обращаясь к стоявшим с ним рядом, гнул ту же линию. Когда после некоторого перерыва они вернулись в сенат, толпа явно повлияла под влиянием таких споров. Долабелла все еще взывал к отцам-сенаторам, когда консул занял свое место. Антоний не без удовольствия наблюдал за происходящим и в должное время поднялся для произнесения речи. Теперь он стал излагать собравшимся истинные причины, по которым нельзя аннулировать распоряжения Цезаря. Они были направлены на пользу государства, отозвать их было бы несправедливо по отношению к римскому содружеству, многие из постановлений и контрактов нельзя расторгнуть в одностороннем порядке; один хороший пример тому, напомнил он слушателям, множество воинов-ветеранов по всей Италии, которые сейчас ждут исполнения обещаний по поводу раздачи земли. Рискнут ли они отказать этим людям, опытным воинам, только потому, что Цезарь в конституционном смысле чисто технически был узурпатором? Прошлой ночью они были свидетелями случившегося – на такие действия могут пойти и отставные солдаты. Перед лицом всего этого осмелятся ли они пройти через обычный ритуал проклятия тирана? Он торжественно предостерег сенаторов против последствий их предубежденности в отношении Цезаря и закончил формальной процедурой голосования за сохранение указов и намерений Цезаря, после которой в знак доброй воли объявил, что дело об убийцах Цезаря останется без разбирательства ради их семей и друзей.

Это его предложение было принято и проведено сенатом – хотя и несколько растерянным – как наиболее предпочтительное для государства. Сторонники заговорщиков считали, что это решение было принято исходя из принципов целесообразности, а не с точки зрения абстрактного права. Антоний не собирался с ними спорить. Он согласился гарантировать им эту поправку, поскольку выиграл в главном – в ратификации указов Цезаря.

Затем представители от воинов-ветеранов потребовали декрета, ясно подтверждавшего их права на получение земли. Антоний согласился, провел соответствующее постановление и проследил, чтобы сенат проголосовал. Затем все поднялись с мест, и все выглядело так, словно заседание этого критического дня закончилось.

Завещание Цезаря. Официальные публичные похороны

Еще до того, как разошлись сенаторы, случился любопытный и неприятный эпизод. Небольшая толпа сенаторов окружила Луция Пизона, душеприказчика Цезаря, они убеждали его, что не стоит публично оглашать завещание Цезаря и устраивать общественные похороны ввиду опасности народных выступлений. Ни один из Пизонов не любил грубого обращения, и Луций не был исключением. Когда толпа сенаторов увидела, что он никак не реагирует на их требования, они пригрозили привлечь его к суду за обладание средствами, которые должны пойти в государственную казну, то есть они фактически утверждали, что средства Цезаря были получены незаконным путем за счет государства. Они ожидали, что Луций Пизон испугается, однако он потребовал возобновления сессии.

Что и было сделано. Когда сенаторы расселись по местам, Пизон доложил, как только что его пытались запугать. Он сказал, что все эти люди, которые столь гордились убийством тирана, – сами мелкие тираны и что они дошли до того, чтобы запретить ему организовать похороны великого понтифика, пригрозив при этом и настаивая, чтобы он не обнародовал его завещание, грязно намекая на то, что деньги украдены из народной казны. Очевидно, продолжал Пизон, эти люди согласны ратифицировать законность деятельности Цезаря, когда это касается их лично, но не готовы подтвердить ее правомерность, когда дело касается самого Пизона. Он оставил вопрос о похоронах Цезаря на усмотрение сената, заявив напоследок, что оглашение его завещания было доверено ему и от этого он никогда не отступится, если кто-нибудь не убьет и его тоже.

Эти замечания, которые, возможно, не испугали сторонников примирения, вызвали негодование среди части сенаторов, но в результате стало ясно, что все следует расставить по местам и окончательно решить, – поэтому постановили, что Цезарь должен быть похоронен за общественный счет, а его завещание публично обнародовано. На этом заседание было закрыто.

Вынесенная резолюция возымела мгновенные последствия. Атик уверял Цицерона, что публичные похороны Цезаря означают конец олигархии; однако ни он, ни Цицерон не в силах были этого предотвратить. Тот механизм, который он привел в действие и который работал даже после его смерти, сделанные им назначения заставили даже его врагов подтвердить законность его деятельности; не было возможности принять одно и одновременно отклонить другое – подтверждение законности относилось ко всему. Однако те, кто задумывался над тем, что же произойдет после публичного оглашения завещания и торжественных его похорон, должно быть, внутренне дрожали. Беда стояла у порога.

Брут и Кассий. Суд над Брутом. Раздача земли. Обещание Брута. Заботы Антония

Брут и Кассий сделали все возможное, чтобы опередить противников. Как только они поняли, что требования людей определились – будь то человек с улицы, маленький человек и труженик, – они созвали народное собрание на Капитолии. Аудитория собралась многочисленная, и Брут обратился к ним.

Он и его друзья, говорил он, не сделали ничего, за что им нужно извиняться. Они обращаются к согражданам, поскольку им угрожает опасность. Было сказано, что никто не назвал определенно и достоверно, что, собственно, они совершили. Брут пришел, чтобы ответить на обвинения народа.

Поэтому он созвал людей, чтобы его выслушали.

Брут признал, что он и его друзья были среди тех, кому Цезарь по собственной инициативе даровал прощение за все, что он, Брут, совершил во время гражданской войны, подтвердив это клятвой. Но никто не собирался принимать эту клятву как прикрытие для будущего и для прошлого, даже друзья Цезаря не думали, что эта клятва будет служить прикрытием его будущих поступков. И если бы Цезарь никогда не совершал противозаконного действия по отношению к тем, кто давал эту клятву верности, тогда, без сомнения, все они были бы клятвопреступники. Однако факты говорят об обратном. Он не восстановил нормального управления государством, но поставил во главе всего себя. Намереваясь отправиться в длительную экспедицию, он отнял у народа право избирать и лично делал назначения на долгий срок вперед. Он упразднил двух трибунов, хотя с незапамятных времен они обладали правом неприкосновенности. Это нарушение священного права неприкосновенности – вещь гораздо более серьезная, чем нарушение клятвы верности, данной Цезарю им и его друзьями, клятвы, которую они дали лишь под давлением обстоятельств. Наконец, Цезарь прибрал к рукам финансы государства и не представил никакого отчета.

Что значат все эти разговоры о клятвах? – спрашивал Брут. Их предки никогда не нуждались ни в каких гарантиях, но ни одна клятва не может обезопасить от появления тирана. Те, кто убил Цезаря, думали о благе государства, а не о личной выгоде. Враги оклеветали их относительно раздачи земель ветеранам. Если здесь присутствуют такие, кто имеет право на получение земли, пусть выйдут вперед.

Многие тут же поймали его на слове. Удовлетворенный тем, что здесь присутствуют люди более всего заинтересованные, Брут продолжал свою речь.

Он начал с описания древней римской системы воинской колонизации, начатой еще в старые времена. Их предки никогда не конфисковывали всю землю даже у покоренных народов, но захватывали лишь часть земли, оставляя на ней военный гарнизон. Если этого было мало, они покупали недостающую землю. Таким образом, процесс колонизации не был несправедливым или болезненным. Но Сулла и Цезарь ввели новые порядки. Они стали практиковать конфискацию земли без всякого возмещения убытков совершенно ни в чем не повинным жителям, которые не совершили никаких преступлений, и раздавать ее своим солдатам.

Еще хуже то, что они селили новых колонистов вместе с военными подразделениями; и обездоленные, чувствуя себя ограбленными, вечно искали возможность вернуть обратно свои земли; и колонисты, понимая это, всегда держались сообща, готовые защитить свои владения; и это тоже входило в план – привязать новых колонистов к тираническому правительству, поскольку они от него зависели. Они приобрели врагов среди своих же сограждан, чтобы поддерживать тиранию.

Затем Брут перешел к обещаниям. Очень торжественно от своего имени и от имени своих друзей он взял на себя гарантии обеспечить земли, которые уже были обещаны, и обещал исправить перекося, на которые он указал, компенсировав стоимость земли бывшим собственникам таким образом, чтобы право новых собственников было обеспеченным и непререкаемым и они никогда не стали бы зависеть ни от какого правительства.

Эту речь, сопровождавшуюся обещаниями, встретили хорошо. Солдат вполне устраивали сделанные предложения. Несомненно, многие из них подумали, что никто не мешал олигархам покупать земли для выведения колоний и раньше – никто и ничто, кроме безразличия к нуждам народа. Но все это можно было отставить в сторону ввиду сулимых в будущем выгод, обещанных Брутом. На этих условиях – если они будут соблюдаться – примирение возможно.

Эта речь Брута возымела действие на следующее же утро, когда консулы собрались, чтобы объявить решение сената. Цицерон предложил вынести постановление об амнистии и примирении, и собрание сразу же согласилось. Брут и его друзья были приглашены сойти с Капитолия. Когда они заколебались, им гарантировали безопасность. Когда они наконец появились, то были восторженно встречены. Консулы хотели сделать несколько замечаний, но их отклонили. Собрание превратилось в рукопожатия, взаимные поздравления и всеобщее выражение чувств. Такой поворот несколько встревожил сторонников Цезаря. Возможно ли, что Брут в конечном счете разгонит народное собрание? Было похоже на то.

Трудно поверить, что заговорщики и сторонники Цезаря искренне рассчитывали на постоянный мир. Один лишь народ, который во все века был доверчив, возможно, принимал его всерьез. Борьба лишь откладывалась. И теперь Антоний, несколько встревоженный успехом Брута в собрании, продолжал надеяться на свою козырную карту – похороны Цезаря и оглашение его завещания.

Оглашение завещания. Программа похорон

По настоянию Пизона завещание было вскрыто и оглашено в доме Антония. Оно было датировано 15 сентября прошлого года, то есть шестью месяцами ранее. В нем Цезарь назвал трех своих наследников. Первым был Гай Октавий, его внучатый племянник, которому он оставил три четверти своего состояния. Оставшаяся четверть была поделена между другими двумя его внучатыми племянниками Луцием Пинарием и Квинтом Педием. Гай Октавий получал имя Цезаря и официально становился его сыном. Несколько его убийц были названы его телохранителями, и один из них, Децим Брут, также был объявлен наследником имущества. Великолепные сады Цезаря близ Тибра были завещаны народу, и каждый римский гражданин получал по триста сестерциев.

Услышав завещание, римские граждане не могли считать злодеем человека, отдавшего такие распоряжения. Почти все граждане Рима, к какому бы сословию они ни принадлежали, были глубоко тронуты тем, что он не забыл о них. Хотя это может показаться странным современным людям, но путь к сердцу римлян всегда лежал через наследство. Самый последний бедняк из римских избирателей мог утешить себя мыслью, что он – да, он! – не забыт величайшим человеком своего времени и к тому же получил триста сестерциев! Отношение к убийству Цезаря сразу резко изменилось. Каждый гражданин вдруг почувствовал, что он не согласен с мнением Брута, будто Цезарь был тираном. Более того, его охватил истинный ужас при мысли, что Цезаря убили те же люди, которых он упомянул в своем завещании, и один из них получал наследство после выполнения всех предыдущих условий! Каким же злодеем должен быть человек, чтобы убить того, кто оставил ему деньги!

Эти чувства, поначалу туманные и неясные, все более овладевали умами людей с улицы после оглашения завещания и планов Цезаря. Надгробное слово должно было прозвучать на Форуме из уст Марка Антония. Затем должно было состояться шествие, а тело сожжено на погребальном костре, разложенном на Марсовом поле. Сочувствующих, которые хотели бросать хворост в огонь, было так много, что не смогли организовать очередь к костру, но каждый старался протиснуться ближе. Вершину костра можно было сравнить с храмом Венеры Прародительницы, которой поклонялся Цезарь. Это были великолепные похороны.

Все было рассчитано точно, некоторые полагали, что это дело рук секретаря Цезаря Бальба. Римские избиратели, согретые чувством симпатии и одновременно охваченные негодованием на его врагов, собирались на похороны тысячами. Они были готовы и далее испытывать те же чувства.

Форум. Панегирик. Эмоции. Взрыв

Следует помнить, что Марк Антоний не был человеком незнатным. Его дед был одним из величайших ораторов, какого когда-либо взрастил Рим, – человеком, к которому даже Цицерон обращался с почтением. Увидев толпу, собравшуюся на Форуме у погребального костра Цезаря, он действовал с самообладанием и спокойствием истинного актера – даром, полученным в наследство. Он был человеком импульсивным, но публичные выступления были у него в крови. При необходимости и желании он мог подняться до величия, и он сделал это.

В торжественной процессии Пизон перенес тело на Форум при огромной толпе, заполнившей площадь. Гроб был сделан из слоновой кости с покрывалом из пурпура и золота. Перед гробом положили окровавленную одежду, в которой был зарезан Цезарь. Под бой барабанов и сверканье мечей тело перенесли на ростры. Там оно находилось, и в толпе раздалась рыдания, а воины в такт ударяли мечами о щиты. В положенное время наступила тишина; и тогда Антоний, стоя перед толпой, произнес надгробное слово.

Начал он очень спокойно, даже мрачно, перечисляя имена, титулы, должности умершего гражданина; полностью прочел постановление сената, которое объявляло Цезаря священным и называло истинным гражданином. После каждой цитаты он добавлял что-то свое. Он прочел текст клятвы, в соответствии с которой приносившие ее обещали охранять и защищать Цезаря, если понадобится. Затем, воздев руки к Капитолийскому храму, который высился перед ним, он объявил о своей готовности сдержать клятву – если бы не амнистия, которая была прилюдно принята обманным путем... В этом месте сенаторы явно почувствовали себя неловко; затем он смягчил свою речь, указав, что всем следует забыть прошлое и думать лишь о настоящем. Их настоящая обязанность – проводить покойного с миром и благословением.

Затем оратор перекинул через плечо мантию и занял свое место у гроба. Здесь он стал говорить ритмически, перечисляя заслуги покойного, описывая их лаконичными словами, но сопровождая их ораторскими жестами; он перечислял знаменитые деяния Цезаря, его блестящие победы, невероятные завоевания и романтические подвиги, с помощью которых он отомстил всему галльскому племени за прежнее сожжение Рима. Усиливая впечатление, он дошел до такой степени красноречия, которое увлекло за собой слушателей, а затем вдруг стал говорить все тише и тише о том, как ему горько терять друга, который был столь коварно убит, и, наконец, закончил тем, что готов был бы отдать собственную жизнь в обмен на жизнь Цезаря.

Все это было чистейшей риторикой – чистым искусством, вовсе не искренним, но оно со страшной силой обрушилось на толпу, заполнившую площадь. Эта толпа теперь была на грани срыва, ее охватило чувство, близкое к тому, что и выказывал Антоний, содрогавшийся от рыданий, и, когда он, отступив от гроба, сдернул покрывало с тела Цезаря и показал окровавленные пятна на его тоге, напряжение толпы достигло высшей стадии. Народ рыдал и стонал, вслед за ним он прославлял великого, замечательного, благородного и щедрого Цезаря, вновь и вновь люди пересказывали друг другу грустную историю о предательстве и смерти. И тут Антоний внезапно стал еще драматизировать события, то есть говорить как бы от имени Цезаря, и этот возрожденный Юлий словно заново увидел своих убийц, напомнил о благодеяниях, которыми он их осыпал, а затем процитировал строку из Пакувия: «Разве для того спасал я их, чтобы они меня убили?»

В то время когда толпа рыдала и всхлипывала, подняли восковую фигуру Юлия с красными кровавыми ранами. Изображение медленно поворачивали во все стороны, чтобы все могли видеть... и в этот момент гроб (вразрез с объявленной программой похорон) взяли из

рук мрачных магистратов и бывших магистратов, и люди сами понесли его на Форум, где и приготовили новый костер.

Все, что произошло потом, можно было предвидеть – нечто вроде этого и предвидел Аттик. Зрители толпились вокруг, внося свой вклад в общее дело. В огонь бросали ветки, факелы, женщины срывали и бросали в костер свои украшения, дети – свои амулеты. А затем, разумеется, и музыканты, и хористы срывали с себя одежды и официальные облачения, рвали их на куски и бросали в костер... И ветераны складывали в кучу свои позолоченные мечи и щиты, предназначенные для шествий... Взволнованная толпа, охваченная всеобщим чувством, хватала скамьи и стулья, на которых стояли люди в задних рядах, и бросала их в огонь. К этому моменту толпа стала неуправляемой. Место, где заседал сенат и где был убит Цезарь, окружила беснующаяся толпа. Поскольку здание нельзя было перенести на Форум и поджечь, его стали забрасывать факелами. Другие бросились искать убийц и поджигать их дома, так что с наступлением ночи и погребальный костер, и здание сената полыхали вовсю, на полупустом Форуме некоторые представители иностранных государств воздавали последние почести мертвому Цезарю в соответствии с эксцентричными обрядами оплакивания покойных в их собственных странах, среди них были и иудеи, которые оплакивали друга и благодетеля их государства.

Глава 3

Нерешительность

Последствия похорон. Опасения сената. Решительный шаг Антония. Преследование Долабеллы. Присутствие в Риме Цицерона (апрель 44 г. до н. э.). Исчезновение убийц

Около месяца длился этот взрыв народного гнева, вызванный похоронами Цезаря, пока постепенно не пришел к логическому концу. Сенат был потрясен гневом народа и поначалу хотел обвинить Марка Антония в нарушении соглашения об амнистии, которого они с таким трудом достигли. Однако Антоний постарался устранить всякие сомнения и вопросы. Взяв под стражу нескольких слишком ярых смутьянов и показав тем самым силу закона, направив его на самых незначительных зачинщиков беспорядков, которые не могли нанести ответного удара, консул убедил сенат, что он душой и сердцем с ними. Сенат рад был тешить себя обманом; он с удовольствием заглатывал любую наживку, заглатывал ее вместе с крючком. И однако, не сомнения были причиной беспокойства сенаторов, страх перед будущим одолевал их, он парализовывал их действия и заставлял принимать решения, которых хотелось избежать. Сенаторы наконец осознали, что большинство римских граждан на стороне Цезаря и они безоружны в окружении врагов. Они страстно желали, чтобы Марк Антоний оставался на их стороне. Когда этот лицемер, расточая улыбки и успокаивая присутствующих, предложил отозвать Секста Помпея из Испании, назначить его командующим всем римским флотом и выплатить большую компенсацию, довольные олигархи рады были поверить, будто это предвещает возвращение всех изгнанников, находившихся в ссылках, и восстановление их прежнего влияния. Когда Антоний посетовал, насколько беспомощен он оказался перед видимыми революционными настроениями небольшой постоянной армии, которую он сам набрал для успокоения общественных настроений, сенат с радостью предоставил ему охрану. Было что-то пугающее в том, как он принялся подбирать себе «охрану». Его «гвардия» состояла из шести тысяч человек, включая всех центурионов, которых он убедил к себе присоединиться, то есть, проще говоря, Антоний набирал людей для огромной армии в несколько сот тысяч. Испуганные тем, что они сделали, олигархи пошли на попятную. Это, говорили они, слишком... Он обещал распустить свою гвардию, как только окажется в безопасности... Когда такой момент настанет, оставалось неясным.

Формируя эту огромную военную силу, Антоний одновременно старался привлечь на свою сторону всех влиятельных людей, союз с которыми был бы ему полезен и на которых можно было подействовать страхом, убеждением или подкупом. Он ничего не боялся, так как владел бумагами Цезаря. Документы Цезаря мог изменить в любую желательную для него сторону – переписать, подменить и прочее – писарь Цезаря Фаберий, который и занимался документацией при Цезаре. Оппоненты Антония открыто заявляли, что он, владея этими документами, был волен обращаться с ними с наибольшей выгодой для себя. Другой задачей Антония стало накопление резервного финансового фонда на всякий случай. Ради этого он вернул царю Дейотару, отстраненному Цезарем во время гражданской войны от власти за помощь Помпею, его владения в Галатии в Сирии за огромную сумму, он также продавал привилегии богатым городам и провинциям, находящимся под властью Рима. Продажи этих привилегий не только пополняли казну Антония, но и склоняли их обладателей к цезариан-

скому курсу, поскольку эти гарантии, столь дорого им стоившие, в случае возврата власти олигархов были бы отозваны. В то время как Брут и Кассий со своими товарищами провозглашали лозунги политической философии, Антоний неустанно трудился, создавая костяк своей армии и финансового резерва; никакие лозунги не могли помешать ему осуществлять задуманное.

Подкупить Долабеллу было первой задачей, для которой он собирал новые фонды. Долабелла мог оказаться весьма неудобным; и, если бы он перешел на сторону врагов, он имел возможность придать им статус законности и конституционности, что не могло не сказаться на общественном мнении. Чтобы избежать этого, Антоний взялся выплатить долги Долабеллы – огромную сумму – и согласился на то, чтобы тот занял проконсульскую должность в Сирии. Долабелла, который одинаково равнодушно относился и к философским максимам, и к политическим принципам, охотно принял эти предложения и стал неопасным союзником.

Уже в начале этих действий Антония Бруту и Кассию стало очевидно, что им небезопасно оставаться в Риме, особенно теперь, когда большинство народа было не на их стороне. Старые воины-ветераны, последовательные и твердые сторонники Цезаря, хлынули в город, чтобы определить отношение властей к себе; и многие из них записывались на службу к Антонию. Начался исход влиятельных антицезарианцев из города. Это был настолько спонтанный процесс и столь неорганизованный, что многие руководители не знали, где находятся их сторонники и каковы их планы. Цицерон уехал из города в начале апреля, примерно через три недели после убийства Цезаря, в свое поместье в Кампании. Когда 10 апреля он проезжал Ланувий по пути на юг, то и не подозревал, что там находятся Брут и Кассий. Тяжелое чувство охватило противников Цезаря, над ними нависла угроза, и Цицерон стал их рупором, который перевел ощущения в слова. Он стал осознавать, что убийцы Цезаря, предполагаемого тирана, вместо того чтобы освободить Рим от всего, что его давило, не добились никакого результата, кроме разве того, что получили нового, еще более ужасного, чем Цезарь, тирана – Марка Антония. «Мы убили тирана, но не тиранию», – писал он в письме Аттику (XIV, 14). Ни он и ни кто другой не могли объяснить причину того паралича, который сковал их руки. У них была, как они думали, великая и славная цель – освобождение человечества от тирана. И вот надежды не оправдались. Никто не кричал об этом. Никто за них не боролся. Никто, кроме кучки богатых людей, не выказал теплых чувств к славному Бруту и великолепному Кассию. Ошеломляющий результат!

Через неделю, 17 апреля, Цицерон, продвигаясь вдоль побережья через Астуру, Фунды, Формиал и Синуессу, наконец прибыл в Путеолы. В пути он слышал, что Марк Брут отбыл в Ланувий, где у него поместье, и что Требоний, другой заговорщик, отправился в Азию. Он должен был еще раньше слышать, что Децим Брут отправился на север в Цизальпийскую Галлию, чтобы возглавить войско, которое его там ожидало. Без сомнения, он уже знал, что Тиллий Цимбер скрылся в Вифинии. Они разбежались, не имея общего плана и цели, в то время как Марк Антоний и сторонники Цезаря быстро овладевали Римом и собирали свои силы весьма основательно. Как это могло случиться?.. Цицерон едва ли мог дать ответ.

Тем временем неожиданно для себя Цицерон, прибыв в Путеолы, попал в самую гущу событий. Он обнаружил, что близкие друзья Юлия и члены его кружка Гирций и Панса находились там; также там был и Луций Корнелий Бальб, темнокожий финикиец, инженер и глава штаба Юлия. Что они здесь делали? Оказывается, они прибыли сюда, чтобы встретить юного Гая Октавия в доме его матери – он как раз примыкал к вилле Цицерона!.. Во время пути Цицерон не раз размышлял о том, где же находится Октавий и чем он занят. Ответ был неожиданным – он подъезжал к Путеолам.

Октавий в Неаполе. Прием Октавия. Октавий и Цицерон. Цицерон-доктринер. Обычай Юлия. Политическая интуиция

18 апреля, на следующий день после прибытия Цицерона, Октавий прибыл в Неаполь. С характерной для него осторожностью он не высадился в Брундизии, поскольку не знал, какой прием ему будет оказан; он направился к югу в Гидрунт, а затем совершил поездку по «каблуку» Италии, пока не достиг Лупий. Здесь он несколько задержался, пока не выяснил, как именно обстоят дела. Ветераны Цезаря собрались в Брундизии, исполненные рвения и гнева на убийц Цезаря, а также желая взять наследника Юлия под свое крыло. Удовлетворенный этим известием, Октавий направился в Брундизии, где не совершил ни единой ошибки. Первый прием, который ему оказали, мог обрадовать кого угодно, но не человека с холодным рассудком. Его встречали толпы ветеранов и требовали отомстить за убийство Цезаря. Они, без сомнения, уважали человека, которого Юлий назвал своим преемником. Октавий, заметив их готовность следовать его приказам, дал вежливые и ничего не значащие ответы и продолжил свой путь в Рим. Однако наверняка не преминул установить более тесные, чем он выказал на публике, контакты и добиться взаимопонимания со своими сторонниками и оставил там своих людей. После того как он переправился через Самний, к нему присоединились желающие сопровождать его в Рим, чтобы защищать его и отстаивать его требования.

Бальб никогда не был слишком популярной личностью ни у своих современников, ни у последующих историков; и все же вполне вероятно, что он (подобно исповеднику Ришелье отцу Иосифу) был одним из самых влиятельных людей того времени. Бальб встретил молодого Октавия в Неаполе – старый, опытный человек, более других посвященный в планы Юлия, и хрупкий юноша с девичьим лицом, наследник Юлия. Проводив Октавия на виллу его отчима Луция Марция Филиппа, Бальб вернулся к Цицерону, чтобы рассказать ему, что произошло, во всяком случае, в той мере, насколько считал это возможным. Октавий, сообщил он Цицерону, приехал, чтобы вступить в права наследства своего двоюродного деда. Он, возможно, намекнул, что при таких обстоятельствах вероятно серьезное столкновение между Октавием и Марком Антонием, ибо Цицерон изложил оба предположения в своем письме своему другу Аттику. Он надеялся, что оба окажутся достоверными.

Именно Бальб представил Октавия Цицерону; и молодой человек оказался именно таким, чтобы произвести на известного оратора благоприятное впечатление. Спокойствие, скромность и изысканность манер, а также глубокое уважение к Марку Туллию Цицерону – эти достоинства, скорее всего, вызвали одобрение и восхищение Цицерона. «Он относится ко мне с величайшим почтением и дружелюбием», – писал Цицерон Аттику. Но затем он излагает в письме свою главную мысль, которая определяет его действия более других: «Его близкие обращаются к нему как к Цезарю – но не Филипп, я тоже не стал этого делать. Я заявил, что ему невозможно быть доблестным гражданином, пока его окружает так много людей, угрожающих смертью нашим друзьям. Они говорят, что случившееся (имеется в виду убийство Цезаря) нельзя терпеть. Как ты полагаешь, что произойдет, когда мальчик прибудет в Рим, где наши освободители не могут пребывать в безопасности? Впрочем, они всегда будут славны, а в сознании правоты своего поступка даже счастливы. Но мы, если я не ошибаюсь, будем повержены».

Короче, по мнению Цицерона, Октавий не может быть истинно достойным гражданином, видя, что его друзья смертельно опасны для своих политических врагов, которые убили их любимого предводителя; но убить Цезаря – о, это было делом высочайшей чести, и те,

кто это совершил (двадцать два против одного), разумеется, будут удовлетворены сознанием справедливости совершенного дела и гражданской доблести... Вот к чему порой приходят противоречивые люди!

Как же можно объяснить то необычное обстоятельство, что Цицерон, которого мы обычно – и не без причины – относим к наиболее просвещенным людям своего времени, мог превозносить политическое убийство? Если и есть какой-либо метод политической деятельности, который является крайним заблуждением, зловещ по своим результатам и губелен для государства, которое терпит это, так это склонность к политическому насилию, и человек, одобряющий убийство политических оппонентов, – такой же нарушитель закона, порядка и разумной формы правления, как и человек, его совершивший. Как же получилось, что автор трактатов «О государстве», «Об обязанностях» и «О пределах» прославлял убийство такого человека, как Гай Юлий Цезарь, и восхвалял такого ничтожного, невежественного и неспособного человека, как Марк Брут? Вопрос остался бы без ответа, не напиши Цицерон книг, благодаря которым он получил славу просветителя. Ключ к решению этой тайны можно найти на страницах его книги «О государстве».

Марк Туллий Цицерон был доктринером, то есть человеком, чей идеал политического правления целиком основывался на прежнем опыте других людей древности и чей литературный критицизм имел те же корни. В его трудах нет и намека на то, что он когда-либо соприкасался с истинными нуждами повседневности или что он когда-либо предполагал, что с нуждами его современников следует считаться. Его интересовали идеи, а не людские нужды. В этом он был противоположностью Юлия, который обучил юношу Октавия, и его идеи дали всходы в молодой душе. Юлий, хотя и мог позабавиться общими соображениями о добре, изложенными в трактате Цицерона «О государстве», а также теми, которые не менялись на протяжении поколений со времени написания Аристотелем его «Политики», – соображениями, которые были приняты в его время, – все же руководствовался прежде всего насущными требованиями дня. Он, возможно, не слишком высоко ценил народные голоса, но он к ним постоянно прислушивался. Он мог преступить любую традиционную теорию древности, если того требовала необходимость, и даже огорчить некоторую часть своих избирателей. Он жил в мире людей, а не в мире идей. В результате Цицерон последовательно основывал свою политику на верховенстве древних и устарелых представлений о политическом руководстве; он был хорошим гражданином давно умершего государства, в то время как Юлий прорубал тропу сквозь джунгли человеческих нужд и чаяний, которые он, может быть, и не понимал, но к голосу которых прислушивался. Отсюда и создание в последнее время его жизни – инстинктивно – тех форм государственного правления, которые подходили бы великому государству. Не было другого пути создать их. Он также не мог предвидеть результаты своего труда, как и Дэниел Бун – результаты построения Тихоокеанской железной дороги; но, как и тот, он следовал тенденции настоятельной необходимости в том направлении, какое считал верным. Вот здесь и пролегает вечное различие между интеллектуалами и доктринерами, которые опираются на удобные теории, и практическими политиками, которые следуют зову человечества в целом. Этот призыв может быть иррациональным и необъяснимым, но, лишь откликаясь на него, можно достичь нового и неизвестного будущего. В политике, как и на войне, Юлий поступал, руководствуясь характерной смесью проницательности и в еще большей степени риском. Ясно одно: он никогда не был последовательным теоретиком; он хотел видеть в своем внучатом племяннике преемника, который менее всего был теоретиком или резонером. Октавий слушал, реагировал и очень осторожно приспосабливался к обстоятельствам, в которых ему приходилось находиться.

Политика Октавия. Уверенность в себе. Важность встречи с Цицероном

Перед ним встала серьезная проблема: что делать дальше, каким образом заявить свои права на наследство двоюродного деда. Даже быть упомянутым в завещании Юлия было опасно. Быть его наследником и приемным сыном было делом серьезным, особенно учитывая создавшуюся ситуацию. Если бы Юлий мог постепенно готовить своего преемника в его новом статусе, это было бы не так трудно, но беда в том, что Октавий остался один и почти беззащитным в мире, в котором почти каждый имел причины ему сопротивляться и препятствовать успешному завершению его дела. Олигархи, нечего и говорить, отнеслись к нему враждебно. Однако и Антоний, намеревавшийся стать наследником и преемником Цезаря, имел не меньше причин для враждебности. Если бы оба лагеря объединились, чтобы не допустить Октавия, они бы его не допустили, а его жизнь длилась бы не долее его карьеры. Октавию оставалось одно – не допустить объединения и убедить одну из партий – не важно какую – помочь ему сокрушить другую. Затем он мог бы иметь дело с сохранившейся партией и действовать смотря по обстоятельствам. Иного не дано.

Умение играть в такие игры было делом наиважнейшим. Огромное состояние Юлия могло стать толчком к власти, поддержанным военным и политическим влиянием Цезаря, однако все эти вещи ничего не значили без естественного умения ими управлять. Учитывая огромность предстоящих задач, легче было бы отказаться от них и вести мирное существование частного человека, если бы у юноши не было уверенности в том, что он сможет правильно использовать эти инструменты. И он решился? Он был так уверен в себе? Очевидно, он сумел внушить это Бальбу, поскольку этот темнокожий человек твердо был убежден, что Октавий должен заявить свои права. Однако его мать и отчим были иного мнения. Атия умоляла сына не вступать в соперничество с таким опасным противником, как Марк Антоний, и Филипп (сильный, чувствительный человек) высказал свои опасения. Это был первый трудный опыт, когда привязанность могла стать на пути молодого человека. Но даже в восемнадцать лет он был уверен, что у него достанет сил участвовать в борьбе двух партий. Он заявил, что это низко и неблагородно считать себя недостойным наследия, ведь Юлий думал по-другому. Он действовал, разумеется, с той скромностью и изяществом, которые убедили его родителей, хотя, возможно, они не были уверены в безопасности всего предприятия. Так воспринимали его все – и Цицерон, и Атия, и Филипп. Его мать и отчим, наконец, решили положиться на его суждения, хотя и не считали возможным для него выстоять против силы, столь превосходящей его собственные возможности.

Цицерон с интересом наблюдал за всем, хотя и был несколько заинтригован. Он не мог подавить в себе чувство приязни к мальчику, хотя с политической точки зрения тот не должен был ему нравиться. Цицерон все еще не мог выбраться из глубокого моря сомнений и вопросов к самому себе. Он все еще продолжал настаивать на том, что в мартовские иды Рим был освобожден от тирании. Он все еще считал Брута и Кассия главными освободителями. Должно было пройти время, пока наконец он – старик, гражданин и ученый – не понял, что это была пустая надежда. И когда такой миг настал, оказалось очень важно, что однажды он познакомился и полюбил молодого Октавия и что Октавий лестно и уважительно отозвался о старом человеке.

Италия и провинции. Октавий в Риме (начало мая 44 г. до н. э.). Встреча Октавия с Антонием. Поддержка Октавия. Трудности, с которыми столкнулся Октавий. Игры

Смерть Цезаря, внезапно случившаяся без всех необходимых в таких случаях приготовлений к перемене власти, которая теперь переходила от одного лицу к другому по согласию всех, кто был заинтересован, оставила в государстве такой хаос, из которого лишь очень медленно выбиралась даже партия сторонников Цезаря. Самоназначение Марка Антония должно было убаюкать олигархов и не давать им активно действовать, в то время как он сам собирал по частям могущество и силы Цезаря, испытывал их, убеждался, что они работают, и использовал их в своих интересах.

То обстоятельство, что воины-ветераны Цезаря были расквартированы на фермах Италии, облегчало задачу. Италия была за Цезаря и его преемника, хотя довольно скоро стало неясно, кто же он, этот наследник. Олигархи также осознали, что если они хотят выжить, то должны набрать армию там, где ее набирал Помпей Великий, – в провинциях. Не все из них были столь беспомощны, как Цицерон, хотя многие разделяли его мнение о том, что их партия погибла. В день прибытия Октавия в Неаполь Цицерон узнал, что Требоний отправился в Азию. Через восемь дней Децим Брут отбыл в Цизальпинскую Галлию.

Они ушли туда, чтобы собирать средства и войско, которые Марк Антоний уже собрал в Риме. Брут и Кассий, предводители движения, не могли выехать за пределы Италии. Они были преторами, избранными на год, и по закону не могли отсутствовать в городе более восьми дней. Они испросили, испив чашу унижения, у консулов и сената разрешение покинуть город на десять дней, где их личная безопасность была не гарантирована, однако, не нарушая старого обычая и условий, они не могли последовать за Требонием. Их будут держать если и не в Риме, то, во всяком случае, в Италии до последнего дня декабря – до того времени оставалось еще семь месяцев. Марк Антоний не мог вернуть Децима Брута и Требония, но он мог понять цели первого и проследить за ним, за что он и принялся. Октавий едва успел покинуть Путеолы на пути в Рим, когда Цицерон узнал о предстоящем 1 июня заседании сената, который должен перераспределить закрепленные ранее провинции. Он понимал, что это значит, и решил – не слишком охотно, но решил – быть там.

Марка Антония не было в Риме, когда Октавий со своими спутниками, ярыми приверженцами Цезаря, прибыл в город. Антоний объезжал юг Италии, в частности, он был в это время в Мизее, что лежит через залив от Путеол, чтобы возобновить контракт с ветеранами Цезаря. Во всяком случае, избирателям Октавия представлял Гай Антоний, брат консула. Когда тот был представлен и формально принят, он начал процедуру заявления своих прав на наследство. Он высказал свое право стать Гаем Юлием Цезарем Октавианом вместо Гая Октавия. Отныне он будет зваться Октавианом.⁸

По возвращении Марка Антония Октавиан был вызван к нему. Состоялась весьма странная беседа. Октавиан высказал свое мнение о том, каким образом Антоний взял все дела в свои руки и пошел на компромисс с убийцами Цезаря. В этом пункте молодой человек был с ним не согласен. Наконец, Октавиан напомнил Антонию об огромной сумме, принадлежащей Цезарю, которой он завладел, и потребовал уплатить ее ему, чтобы он мог выполнить условия завещания своего приемного отца.

⁸ В письме к Аттику после 18 мая Цицерон называет молодого человека Октавием. Но уже в конце июня он называет его Октавианом («Письма к Аттику», XV, 2, 12).

Марк Антония удивил – если не окончательно сразил – тон юноши. Он ответил довольно резко, что, если молодой человек – наследник имущества Цезаря, это еще не значит, что он его политический преемник. Он, Антоний, консул и не обязан отчитываться перед ним за свои поступки. Он действовал в интересах государства, а не наследника Цезаря. Однако он заметил, что если бы он не пошел тогда на компромисс, то законность деяний Цезаря была бы аннулирована, а Цезаря объявили бы тираном; в результате его завещание признали бы недействительным и Октавиан вовсе ничего не получил бы. Что же касается денег, он должен взглянуть на бумаги Цезаря и определить, сколько денег принадлежит государству, а сколько – Юлию. Он сильно сомневается, что Октавию достанется много.

Это был сокрушительный удар, и молодой человек удалился, уверенный, что ему предстоит бороться с Антонием. Похоже, пока ему придется отказаться от своих намерений, но он все же поведал публично о своем разговоре с Антонием. Преданные друзья Цезаря и его рьяные сторонники из всех слоев общества сплотились вокруг Октавиана, а избиратели, каждому из которых по завещанию полагалось по триста сестерциев, возмутились, узнав, что Антоний, прибегнув к незамысловатой уловке, хотел присвоить их деньги. Октавиан заявил, что он не обделит никого – очень популярное заявление, – и начал подготовку к Играм победы Цезаря, которые намечались ранее, но не были проведены.

Пойти против консула, когда им является Марк Антоний, – дело нешуточное, и Октавиан вскоре в этом убедился. После одного недавно умершего трибуна освободилось место, и Октавиан намеревался стать кандидатом на вакантную должность, чтобы укрепить свою позицию. Антоний тоже так думал и постарался этому помешать. Когда Октавиан пытался выставить на публике золотое кресло, которое раньше принадлежало Цезарю, трибуны по наущению Антония воспротивились этому и пригрозили Октавиана наказать. Антоний также распорядился, чтобы к некоторым предметам, принадлежавшим Цезарю, были прикреплены таблички с титулом Юлия, и когда Октавиан предъявил на них права, то выяснил, что большинство вещей он должен оспаривать по суду, в котором заседали Антоний и Долабелла или Луций Антоний, исполнявший обязанности претора в отсутствие Брута. Нечего и говорить, что Октавиан проиграл эти дела, хотя в некоторых случаях он мог представить подтверждающие документы. Это продолжалось до тех пор, пока его кузены Квинт Педий и Луций Пинарий, которым досталась четверть наследства Юлия, не пожаловались Антонию. Тот скрепя сердце извинился за свое поведение и позаботился, чтобы Педий и Пинарий без потерь получили свою долю. Они ее приняли и благоразумно удалились. Даже приближенные к Антонию военные серьезно спорили со своим начальником по поводу его поведения в отношении Октавия, и Антонию пришлось перед ними оправдываться.

Однако Октавиан, чувствуя поддержку близких друзей Цезаря, твердо держался взятого курса. Игры должны были состояться в срок, хотя, чтобы их оплатить, Октавиану пришлось продать все, чем он владел, а также всю собственность своего отчима Филиппа, кроме того, Квинт Педий и Луций Пинарий добровольно отдали в его распоряжение свою долю наследства. Семья, сплотившись вокруг Октавиана, поддержала его. Игры, прошедшие в конце июля, имели успех. Они не только окупили затраты, но еще и пополнили средства, предназначенные для других целей. Немного ранее, на первую половину июля, выпала дата Аполлинарийских игр, которые ежегодно устраивал городской претор, в том году им оказался Марк Брут. Поскольку Брут находился в Ланувии и не рискнул показываться в Риме, он поручил проведение игр помощнику, надеясь, что его имя будут прославлять довольные граждане. Его надежды, скорее всего, оправдались бы, если бы Октавиан не назначил на это время раздачу долгов. Честные граждане, которые в эти дни выстраивались в очередь за получением своих трехсот сестерциев, может, и одобрили бы Аполлинарийские игры, однако самые громкие похвалы раздавались в адрес Цезаря и этого молодого человека, его внучатого племянника и наследника. В то время как нанятая толпа на Аполлинарийских

играх выкрикивала имена Брута и Кассия, толпа сторонников Цезаря ломала ограждения в другом месте.

Маневры. Встреча в Англии. Кассий. Сервилия и Цицерон. Цицерон обескуражен

Неудача с Аполлинарийскими играми разбила в пух и прах надежды Брута и Кассия. Все у них пошло наперекосяк. Цицерон, снова выехавший из Путеол, в конце концов решил не присутствовать на заседании сената в начале июня, где перераспределялось управление провинциями. Гирций дружески предостерег его; Варрон сообщал в письме, что ветераны Цезаря грозили кровавой расправой своим врагам, и Цицерон почел за лучшее не появляться в Риме. Но даже при переполненном сенате и ветеранах, грозящих расправами, Антоний счел нужным изложить свои планы. Собрание, нарушая протокол, поскольку не была подана надлежащая заявка, и находясь в тисках закона, утвержденного Юлием, продлило проконсульские полномочия двум консулам с двух до пяти лет, а затем приступило к тому, чтобы предоставить Марку Антонию право обменять Македонию, которую ему предоставил в управление сенат, на Галлию, но в то же время оставить под его командованием стоявшие там македонские легионы... Цель всего этого была следующая – не только усилить военную мощь Марка Антония, но и противопоставить ее военной силе Децима Брута, который получил Цизальпийскую Галлию. Брут и Кассий также отправлялись в провинции, но не в те, которые они должны были получить; им временно поручили поставки зерна: Бруту – в Азии, а Кассию – на Сицилии. Эти назначения давали им право покинуть пределы Италии, они также разлучали обоих заговорщиков и уменьшали их силу и влияние в том случае, если бы они эти назначения приняли. Они сразу же вызвали Цицерона в Антий, где и состоялась важная встреча. Никто из них не знал в точности, что же им делать; однако по пути в Антий Цицерон все обдумал и решил, что лучше им не отрекаться от своих принципов, сохранив тем самым и себя.

На той памятной встрече в Антий собрался очень тесный кружок ближайших заговорщиков и противников Цезаря: политический доктринер и философ Цицерон; Марк Брут, медлительный, тяжеловесный; мать Брута Сервилия, одно время бывшая любовницей Юлия, сестра Катона; жена Кассия Тертулла; жена Брута Порция и Фавоний, которого прозвали «обезьяна (подражатель) Катона», – они были ядром оппозиции, боровшейся против Юлия при жизни и теперь против мертвого Юлия, и собирались бороться и впредь. Цицерон в качестве старейшего начал излагать свое мнение, когда в помещение буквально ворвался опоздавший Кассий в очень дурном расположении духа – человек, который не мог стать человеком действия, поскольку не имел творческого начала. Цицерон повторил для него свою точку зрения на сложившуюся ситуацию: им следует принять назначения, исходя из соображений собственной безопасности.

Кассий взорвался и стал кричать, что ни за что не отправится на Сицилию. С какой стати ему принимать должность, которая для него оскорбительна?

– Что ты собираешься делать? – спросил Цицерон. Тот ответил гневно:

– Поеду в Ахейю!

Это весьма примечательно, поскольку Кассий не имел полномочий ехать в Ахейю. Теперь все они наконец начали понимать, что, только преступив закон, смогут защитить себя. Но как тогда быть с принципами, которых они поклялись придерживаться?

«– А ты, Брут?

– В Рим, если ты находишь это нужным.⁹

– Я – менее всего: ведь в безопасности ты не будешь.

⁹ В Рим – то есть на Игры в честь Аполлона. Встреча происходила 26 июня, за десять дней до начала Игр.

– А если бы это было неопасно, ты бы согласился?

– Вообще нет, ни на твой отъезд в провинцию теперь, ни после претуры; но не советую тебе доверяться Риму» («Письма к Аттику», XV, П. Пер. В.О. Горенштейна).

Затем последовал долгий разговор, и Кассий сетовал, что упущены возможности, и обвинял Децима Брута; Цицерон молча сожалел, что вместе с Цезарем не был убит и Марк Антоний. И вообще, зачем говорить о том, что не сделано, хотя и согласился с Кассием. Он уже начал думать, как хорошо было бы, если бы они тогда перетянули на свою сторону сенат, когда Сервилия оборвала его мысли, сказав: «В действительности нам следовало встать во главе государства и взять управление в свои руки. Разве не так?»

Нет, не то; Цицерон признавал противоречие. Он всегда имел склонность к цезаризму!

Наконец Кассий стал склоняться к мысли отправиться на Сицилию, а Брут решил, что он может отправиться в Азию. Поскольку заниматься поставками зерна было ниже их достоинства, Сервилия позаботилась, чтобы этот пункт в предписании был вычеркнут; каким образом ей это удалось, она не сказала. Цицерон покинул собрание в некотором смятении¹⁰. Совершенно очевидно, что они запутались. Единственным способом действенного сопротивления цезаризму был сам цезаризм! «Нет плана! Нет цели! Нет системы!» – восклицал он в письме к Аттику. Поскольку у него самого не было плана, он вряд ли мог винить в этом других.

Но если они собирались разъехаться, он тоже уедет. Он предполагал совершить путешествие на восток и через год, когда Гирций и Панса станут консулами, вернуться; и с таким намерением и с разрешения Долабеллы он отправился в путь.

Цицерон доплыл только до Сицилии: его задержали встречные ветры. Остановившись в Ленкопетре, на южной оконечности Мессинского пролива, он получил известие, которое изменило его планы. Появилась возможность мирного соглашения между Марком Антонием и Брутом и Кассием; требовалось его присутствие в Риме... На самом деле он не хотел уезжать за границу. Один день в Риме был ему дороже, чем целый сезон вне Италии. Ветер все еще был неблагоприятен, и это, кажется, предрешило его выбор. Он направился назад, в Помпеи. По пути встретил Брута, который объяснил, что произошло. Сервилия сдержала свое обещание. Условие поставок зерна было вычеркнуто из их предписания; вместо этого он получал в управление провинцию Крит, а Кассий – Кирену. Однако они туда не собирались. Их разногласия с Антонием усугублялись. Брут намеревался отправиться в Македонию, а Кассий – в Сирию – словом, завязывался сложный узел. Это была война! Возможно, они были правы. Возможно, среди суетной жизни заморского лагеря не было места пожилому политику и философу. Его место в Риме. Брут тоже так думал. Если он едет туда на смерть, ну что ж, все они движутся к смерти, и главное – выбрать наилучшее для этого место. Так они расстались и больше никогда не встречались.

¹⁰ Содержание этого разговора приводится столь подробно, поскольку его сохранил для нас Цицерон в «Письмах к Аттику», XV, 11

Филиппики. Сенат. «Первая филиппика». Ответ Антония. Контрмеры. Что есть истина? Антоний в Брундизии. Война

Цицерон прибыл в Рим 31 августа. Его встретили значительные перемены. Он больше не раздумывал, что ему делать. Он собирался кое-что предпринять и знал, что именно, а стоило или нет это делать, уже было не важно. Правда, он не рассчитывал столкнуться с враждебными легионами, но для некоторых людей враждебная аудитория страшнее легионов, и Марк Туллий Цицерон смог в этом убедиться. Он собирался, если удастся, привлечь аудиторию на свою сторону, но, если не получится, что ж, он исчезнет, как исчезли до него Тиберий и Гай Гракхи, например, имена которых известны всему Риму. Судя по полусерьезному названию речей, которые он произносил той осенью, – «Филиппики», он хотел провести параллель между своим теперешним положением и положением Демосфена, великого греческого оратора, политического противника Филиппа Македонского. Ситуация действительно была схожей. Правда, Цицерон находился в большей опасности, чем в свое время Демосфен.

На следующий день, 1 сентября, в сенате состоялось заседание, но, поскольку главным вопросом были мероприятия, связанные с оказанием почестей Цезарю как божеству, Цицерон туда не явился. Целью этого мероприятия было отделить колеблющихся и заставить оппортунистов себя выявить, что Цицерон, естественно, всячески приветствовал. Марк Антоний, возмущенный его нарочитым и подозрительным отсутствием, витийствовал на заседании. 2 сентября он отсутствовал, и теперь на первый план вышел Цицерон. Это была его сцена, он так же принадлежал ей, как Цезарь принадлежал полю битвы или кабине для голосования или как Крассе принадлежал счетной конторе. Он мог оказаться глупым стариком среди сверкающих мечей, но не был таковым на трибуне. Он знал свое дело.

Это заседание сената вошло в историю, поскольку Цицерон произнес тогда речь, известную как «Первая филиппика». Она стала объявлением войны.

Громадная разница между сражающимися на поле боя с оружием и сражающимися посредством слов в том, что оружием можно убить врага и тогда он перестает существовать; но слова только ранят, и они способны разозлить врага и сделать его еще опаснее. Цицерон мог говорить так, что его слова были подобны ударам бича. Для нас латынь мертва; но, когда говорил Цицерон, она была такой же живой и острой, как речь, произнесенная в Париже или Нью-Йорке. Цицерон намеренно принял такой тон, он наперед знал, как отреагирует Антоний. Люди, к которым он обращался, были растерянны, колебались; они готовы были идти туда, куда направит их твердая рука. Теперь это была его аудитория, как днем раньше она была аудиторией Антония.

Он рассказал им, почему намеревался отправиться за границу и почему вернулся. Он описал свое расставание с Брутом и выразил сожаление, что он, Цицерон, менее достойный, возвратился в город, куда заказан путь истинному спасителю государства. Сегодня он пришел, чтобы высказать кое-какие соображения, которые останутся в документах, если вдруг «несчастный случай» заставит его замолчать. Затем он стал излагать события дня, прибегнув к самой изощренной риторике, и сказал, что никогда бы не согласился осквернить государство столь отвратительным деянием – он так и сказал: «отвратительным», – смешивая почести, которых достойны божества, с почестями, которые собираются оказать умершему... В заключение он призвал их всех подумать, является ли диктаторская власть путем к истинной славе и не лучше ли уважение и любовь равных, чем любой триумф над ними.

Сенаторы слушали и трепетали, но что могло закрасться им в головы, о том лучше всего мог судить Марк Антоний. Он явно был разъярен этой речью, но и напуган.

Он выступил перед сенатом, но не на следующий день, а 19 сентября; это время он посвятил составлению ответной речи, удалившись в свое загородное поместье. То обстоятельство, что ему понадобилось для ответа семнадцать дней, говорит о том, как серьезно он воспринял бичующие речи Цицерона.

Настало 19 сентября, и сенат, который, по иронии судьбы, собрался в храме Согласия, был полон. Марк Антоний явился в сопровождении охранников, однако Цицерона там не было. Он хотел прийти и в случае необходимости стать мучеником, но, как и при сходных обстоятельствах со святым Павлом, друзья умоляли его не приходить. Антоний собирался обратиться с речью к сенату, в котором не было того единственного человека, присутствия которого он желал. Однако сторонники Цезаря, выслушав его, несомненно, захотят побеседовать кое о чем с Цицероном.

Мы уже имели случай убедиться, что Марк Антоний был не последним из ораторов. Он устроил замечательное представление; он начал с того, что прочитал письмо, написанное ему Цицероном несколько месяцев назад, в котором было выражено одобрение благородству, храбрости и патриотизму получателя. Он воспользовался этим письмом, чтобы показать, что не так уж прям и искренен Цицерон, но, напротив, он извивается как уж на сковородке; а затем естественным образом он обвинил Цицерона не только в соучастии в убийстве Цезаря, но и в том, что он был душой заговора, тайной главой олигархов, подстрекавшим людей глупых, но отважных сделать за него работу, за которую сам он не желал отвечать... И в ситуации с Цицероном это обвинение – правдивое или вымышленное – могло оказаться весьма зловещим... Именно в этом месте речи, окажись здесь Цицерон, начались бы его неприятности. Однако Цицерон не пришел, и обвинения Антония повисли в воздухе и, как тогда казалось, остались лишь словами.

События тем временем разворачивались стремительно. Цицерон опять уехал в Путеолы, где начал сочинять еще более знаменитую «Вторую филиппику». Это был памфлет, распространенный среди друзей Цицерона, а также тех, кто казался подходящим объектом пропаганды. Это были личные нападки на Марка Антония, характерные в то время для средиземноморской Европы. Взамен описания тайных заговорщиков и убийц, сделанного Антонием, Цицерон изобразил пьяницу и развратника, погрязшего во вседозволенности, крови и ненависти. Это было здорово написано и читалось с замиранием сердца и с круглыми глазами теми поклонниками, которые считали памфлет блестящим образцом латинской прозы. В результате он оказался призывом к благородным патриотам именно так оценить Антония, каким изобразил его Цицерон.

Прочел ли Октавиан «Вторую филиппику», мы не знаем, но известно, что в это время произошел весьма любопытный случай. Несколько человек, арестованных в доме Марка Антония, по слухам, признались, что они подсланы Октавианом убить консула. Этот случай так и остался невыясненным. Друзья Октавиана утверждали, что Антоний сам же все это и подстроил, чтобы подставить политического конкурента. Цицерон в одном из писем подробнейшим образом рассматривает этот эпизод, добавляя, что у Антония хватило наглости обвинить Октавиана, но не хватило смелости сделать этот эпизод достоянием общественного разбирательства¹¹. Что до самого Антония, он повсюду заявлял, что этот змей Цицерон вновь занялся подстрекательством к политическому убийству.

¹¹ Свидетельство Цицерона в «Письмах друзьям», XII, 23; «Филиппики», III, 7—8. Светоний в «Божественном Августе», X, повторяет обвинение без всякого комментария; Плутарх говорит о нем как о слухе. Д-р Райе Холмс («Здание Римской империи», 1, с. 27), кажется, склонен верить в обвинение. Аппиан («Гражданские войны», III, 39), вероятно, прав, обращая внимание на то, что Антоний все еще был нужен Октавиану.

Это оказалось взрывом с точки зрения практических последствий. Антоний решил не откладывая принять командование над четырьмя легионами, в то время стоявшими в Македонии, которые Цезарь собирался использовать в войне с парфянами. С этими легионами он намеревался сразу по окончании консульских полномочий заменить Децима Брута на посту наместника Цизальгийской Галлии, откуда он мог бы наблюдать и за событиями в Риме, и за восточными и западными провинциями. Его план очень походил на планы поздних римских императоров, которые основали свою столицу в Милане. Но когда Антоний прибыл в Брундизий, его ожидал неприятный сюрприз. Октавиан успешно настроил против него ветеранов Цезаря. Прибыли лишь три из четырех легионов, но и те отказались подчиняться Антонию. Антоний впал в ярость. Он знал, как восстановить дисциплину, однако наказания, примененные к непокорным легионам, лишь увеличили их враждебность, хотя, возможно, и не явную. Антоний возвратился в Рим, оставив легионы, которые в назначенный срок должны были соединиться с ним в Тибуре.

В Рим возвратился очень обозленный человек. С самой «Первой филиппики» все оборачивалось против него. Он созвал сенат на 24 октября и объявил Октавиана Спартаксом, а Цицерона – вдохновителем его некрасивых дел. Однако в тот день в Рим пришло ошеломляющее известие: один из македонских легионов покинул Тибур и направился маршем в Альбу, где присягнул Октавиану. Он поспешил в Тибур и там изо всех сил старался успокоить легионеров, которые еще оставались ему верны. 28 октября он снова был в Риме и услышал, что другой легион, четвертый, вошел в Альбу и присягнул Октавиану. Он отложил заседание сената и спешно покинул город. Началась гражданская война.

Глава 4 Борьба с Марком Антонием

Приготовления. Перспективы. Переговоры. Цицерон приезжает в Рим в декабре 44 г. до н. э. «Третья филиппика»

Тем временем произошло много событий повсюду. 1 ноября Цицерон получил письмо от Октавиана. Молодой человек искал с ним тайной встречи. Объяснение его пребывания в Кампании было простым. Как только Марк Антоний отбыл в Брундиций для встречи с македонскими легионами, Октавиан, информированный своей тайной службой о надвигающейся опасности, начал собирать сторонников. В это время у него было два легиона ветеранов Цезаря, набранные в Касилине и Галатии по пути из Брундиция в Рим. Они не были организованы, плохо вооружены, но они были людьми опытными. Цицерон был слишком мудр, чтобы отказаться от встречи, которая, впрочем, не могла оставаться тайной и вполне могла навсегда скомпрометировать его среди политических сторонников. Но одно простое обстоятельство диктовало ему, что надо так поступить. Что ему оставалось делать?

Октавиан уже входил в кружок главных сторонников Цезаря, с которыми Цицерон и прежде поддерживал приятельские отношения. Помимо него, там были Авл Гирций, Гай Вибий Пансаи Луций Корнелий Бальб¹². Самым молодым был Октавиан, трое других преклонного возраста, с солидной репутацией и большим опытом, и их советы имели для него очень большое значение. Гирций и Панса, кроме всего прочего, были объявлены консулами на предстоящий год. Через два месяца Марк Антоний и Публий Корнелий Долабелла перестанут быть главами Римского государства, их место займут Гирций и Панса.

Цицерон оказался в трудном положении. Воины и энергичные люди, состоявшие в его партии, были ненадежны и находились сейчас в дальних провинциях. Сам он, человек мирный и гражданский, был вынужден тащить на себе груз, который не под силу одиночке. Он думал, что Октавиан мог бы очень пригодиться, с его помощью оптиматам, вероятно, удалось бы свергнуть ненавистного Марка Антония. Если они возьмут юношу под свое крыло, учитывая, что он законный наследник Цезаря, и с его помощью скинут Антония, они, возможно, найдут в дальнейшем способ оттеснить его и взять власть в свои руки. В любом случае эта возможность была лучше сложившейся ситуации. Кроме того (самое, может быть, главное, с точки зрения Цицерона), вместо Брута и Кассия он, Цицерон, станет великим государственным деятелем и возглавит все предприятия!

Он не стал кидаться головой в омут, месяц провел в размышлениях. Октавиану было важно получить некоторое законное обоснование для набора войска, и он, должно быть, заранее знал, что македонские легионы перейдут на его сторону. В настоящее время ни он, ни его друзья не имели ни малейшего права распоряжаться войсками. Поэтому он не скупился на смелые обещания, которые, возможно, и не сумеет выполнить. Правда, обещания давал его представитель Оппий. Цицерон же ответил Оппию, что дружеское расположение к нему одному ничего не значит, если тот не привлечет к своему союзу Брута и Кассия. Оппий пообещал и это. Цицерон отвечал, что раз все равно ничего нельзя решить до 1 января следующего года, пусть дело будет отложено до тех пор.

¹² Письма к Аттику. XIV, 21 и XV, 2; Цицерон упоминает лишь Гирция, а об остальных мы можем только догадываться.

Однако он передумал, и последующие события это подтвердили. И он, и Октавиан нуждались друг в друге, и никто не требовал соблюдения данных друг другу обещаний. Они могли вернуться к ним позже. Октавиан отправил свое войско назад для надлежащего вооружения. Еще больше людей он рекрутировал в Этрурии. В начале декабря Цицерон был в Арпине. Его слова из последнего письма Аттику были следующими: «Я решился», и 9 декабря он прибыл в Рим.

Он начал действовать вовремя, ибо Антоний уже приближался к Цизальпийской Галлии. Прибыв в Мутину, которая находилась почти в самой середине Северной Италии, он взял под контроль дороги к переправе через Пад в Плацентии и Гостилии. Отказавшись уступить место назначенному собранием Антонию, он спровоцировал созыв заседания сената. Было принято постановление об осаде Мутины, началась гражданская война. Октавиан дал знать Дециму Бруту, что к нему идет подкрепление.

15 декабря трибуны, избранные на новый срок, должны были приступить к своим обязанностям. Среди них был назван один из убийц Цезаря – Каска, и Цицерон ждал, выполнит ли Оппий данные ему обещания. Все прошло гладко. Сторонники Цезаря безропотно приняли кандидатуру Каски, в конце концов, Каску предложил еще сам Цезарь. Новые трибуны в отсутствие высших магистратов созвали сенат на 20 декабря. Главный вопрос в повестке дня – состояние дел в государстве. После предварительных формальностей слово взял Цицерон и произнес речь, которая теперь известна как «Третья филиппика». Он указал на опасность, грозящую государству, призвал к решительным действиям, отметив патриотический настрой Октавиана, который предоставил свои войска в распоряжение республики, и внес предложение о придании дополнительных полномочий новым консулам, как только те вступят в должность 1 января. Предложение было сразу принято сенатом. Цицерон отправился на Форум и держал речь перед народом, повторив многое из того, о чем говорил в сенате. Разногласий не было, и получился весьма странный результат – сторонники Цезаря по общему согласию вернулись к власти, а Марк Антоний, которому несколько месяцев назад не было равных, стал мятежником и беглецом, преследуемым официальными органами государства.

В сенате. Цицерон против Антония. Суд над Антонием. Точка зрения Октавиана

Осада Мутины не была столь знаменитой, как осада Трои, но по своему величию, отчаянному моменту в истории она была достойна пера Гомера. Происходившая в более цивилизованный и просвещенный век, она описана Цицероном.

Первым шагом коалиции, образовавшейся в Риме, было наложить осаду. Несмотря на то что все выступили против Антония, разные партии по-разному относились к этой цели. Созванный 1 января на заседание сенат начал с обсуждения положения дел в республике, что вызвало споры различных партий. Новые консулы Гирций и Панса высказались за подавление незаконного мятежа и восстановление общественного спокойствия. Они намеревались сами выступить против Антония. Когда они пригласили высказаться старшего консуляра, которым в этот год оказался Квинт Фуфий Кален, сторонник Цезаря, обнаружились первые признаки надвигающейся беды. Кален, будучи сторонником Цезаря, был и сторонником Антония, и он считал, что Антонию следует направить предупреждение и дать возможность прийти к мирному соглашению. Это устраивало многих сенаторов, которые хотели мира, и Калена поддержали последующие выступавшие. Но Цицерон объявил это глупостью, бесполезной и постыдной, и призвал сенат действовать решительно. Цицерон выступал не только от имени оптиматов, старой олигархической партии, но также и как представитель Октавиана. Цицерон использовал все свои возможности, его «Пятая филиппика» совпадала с политикой Октавиана.

Цицерон начал с того, что негоже властям вести переговоры с мятежником, захватившим оружие в свои руки. Затем он нашел красочное сравнение с жестоким волком, который в этот самый момент осаждает итальянский город, не обладая даже правом иметь свое войско. Он собрал все новые свидетельства, которые мог привести, чтобы показать насилие, предательство и измену этого общего врага, истинное и злодейское содержание его намерений, его неуважение к законам божеским и человеческим. Вести переговоры с таким человеком – значит нарушить традиции Римской республики. Он просто посмеется над ними; все усилия и устремления патриотически настроенных граждан направлены на то, чтобы посвятить себя священной борьбе за свое отечество. Нет, не должно быть никаких переговоров, все государство должно направить все силы на войну, пока опасность не будет предотвращена. Следует принять срочный декрет, гарантирующий всем воинам армии Антония неприкосновенность в случае их сдачи до 1 февраля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.